

И.Ф. Нильский

Речь по поводу рассуждений о
нуждах единоверцев, произнесенная
4 дек. 1873 г.. в заседании
С.-Петербургского отдела Общества
любителей духовного просвещения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1874. № 2. С. 161-246.

Р Ѣ Ч Ъ

по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрцевъ, произнесенная профессоромъ И. Ѡ. Нильскимъ 4-го декабря 1873 года, въ засѣданіи с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

(Продолженіе.)

Во первыхъ, никто, за исключеніемъ раскольниковъ и, по выраженію г. Филиппова, сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ повременныхъ изданій, не утверждаетъ, что соборъ 1667 года наложилъ свои клятвы на самые обряды, признанные имъ неправильными. Г. Филипповъ говоритъ даже, что отцы собора и не могли возложить клятву на старые обряды, «потому что это значило бы предать проклятію всю русскую церковь до времени исправленія обряда и частію даже самихъ себя, такъ какъ всѣ представители русской церкви на соборѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, малороссійскихъ, сами держались прежде этихъ же самыхъ обрядовъ». Я съ своей стороны прибавлю, что отцы собора 1667 г. не только не проклинали старыхъ обрядовъ, напротивъ о многихъ изъ нихъ отзывались съ почитеніемъ, напр. объ осмиконечномъ крестѣ, назвавъ его животворящимъ, о молитвѣ Иисусовой съ словами: Сыне Божій, которую даже разрѣшили употреблять «не прекословящимъ», и проч. А если такъ, то я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ соборъ, такъ снисходительно отно-

сившійся къ старымъ обрядамъ, могъ изречь клятву на употребленіе ихъ. По моему мнѣнію, допускать мысль, какую защищаетъ г. Филипповъ, значить обвинять соборъ въ противорѣчіи самому себѣ, а для этого нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ самомъ дѣяніи соборномъ, ни въ практикѣ древней церкви, съ которою, безъ сомнѣнія, отцы собора сообразовались въ своихъ постановленіяхъ. Правда, древность представляетъ намъ примѣры того, какъ иногда церковь не только запрещала тотъ или другой обрядъ, прежде бывшій въ употребленіи, но въ тоже время подвергала отлученію тѣхъ, кто, послѣ запрещенія ею известнаго обряда, осмѣливался употреблять его. Но въ этомъ случаѣ церковь проклинала не самое употребленіе обряда, а лицъ, противившихся ея опредѣленію, и проклинала ихъ не за употребленіе запрещеннаго обряда, а за то, что они «любопрительно возставали противъ установленія» церкви и, «особясь» отъ ней изъ за своего обряда, производили «разстройство и развращеніе многихъ». Такъ, между прочимъ, поступила древняя Церковь въ вопросѣ о днѣ празднованія Пасхи.

Скажутъ: соборъ 1667 года, не налагая клятвы на старые обряды и не касаясь прошлаго, могъ изречь проклятіе на употребленіе отмѣненныхъ имъ обрядовъ въ будущемъ—потому, что нашелъ въ нихъ еретическій характеръ. Но, сколько мнѣ известно, изъ всѣхъ старыхъ обрядовъ только одинъ былъ признанъ отцами собора сходнымъ съ «обычаемъ» еретическимъ, именно двуперстіе, да и то не въ опредѣленіи 13 мая, въ которомъ изречена соборомъ клятва, а въ соборномъ свиткѣ, который писанъ уже *послѣ 13 мая*

1667 г. (1) Правда, въ «толкованіи», которое восточные патріархи издали относительно аллилуіи, сложения перстовъ для крестнаго знаменія и проч., и которое напечатано въ томъ же V томѣ Доп. къ Ист. Акт. (2), говорится, что и употребляющіе сугубую аллилуію, съ прибавленіемъ словъ: слава Тебѣ Боже, погрѣшаютъ, «зане невѣдѣніемъ исповѣдуютъ таймо Троицу просто, а Единицу ни», и что «отвращающіеся глаголати молитву: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ» мнятсѣ, яко мудрствуютъ и исповѣдуютъ Христа, яко и Арій, точію Сына Божія быти по благодати, а не Бога истинна единосущнаго Отцу». Но, во 1-хъ, здѣсь указанные обряды, какъ всякій согласится, не называются еретическими въ собственномъ смыслѣ, а только трактуются, какъ такіе, въ которыхъ можно предполагать тѣ, или другія неправославныя мысли; во 2-хъ, въ «толкованіи» предполагается восточными патріархами неправое «мудрованіе» только въ трехъ старыхъ обрядахъ: въ двуперстіи, сугубой аллилуіи и молитвѣ Іисусовой — съ словами: Сыне Божій; между тѣмъ какъ въ опредѣленіи собора 13 мая, въ которомъ изречена клятва, запрещено употребленіе и символа вѣры, съ прилогомъ «истиннаго», и печати на просфорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ и другихъ предметовъ, которымъ нигдѣ и ни кѣмъ не было придано еретическаго характера; наконецъ, въ 3-хъ, еслибы допустить, что соборная клятва 13 мая 1667 г. была положена собственно на употребленіе старыхъ обрядовъ, то невозможно было бы объяснить, почему восточные патріар-

(1) Доп. къ Ист. Акт. т. V, стр. 472; снес. стр. 502.

(2) Тамъ же, стр. 500—4.

хи въ своемъ «толкованіи», писанномъ *послѣ 13 мая 1667 г.* (1), употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, и притомъ такихъ, въ которыхъ предполагали (мнится) отдѣнокъ еретичествующей мысли, позволили безъ всякаго препятствія. «Но и сія молитва: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, *не прекословящимъ* свободна есть къ читанію» (2), замѣчали патриархи. Однимъ словомъ: мысль, будто бы соборъ 1667 года изрекъ свою клятву собственно на употребленіе стараго обряда, не только не находитъ для себя основанія въ дѣяніяхъ собора, напротивъ прямо опровергается ими и основанными на нихъ соображеніями.

Что же касается мысли, защищаемой мною, т. е., что соборная клятва положена не просто на тѣхъ, кто не хотѣлъ оставить старыхъ обрядовъ, но на тѣхъ, кто изъ-за этихъ обрядовъ отдѣлялся отъ церкви и хулилъ ее, то она основывается на слѣдующихъ данныхъ.

Г. Филипповъ говоритъ, что «между постановленіемъ собора 1666 года и соборнымъ опредѣленіемъ 13 мая 1667 г., безусловно подтвердившимъ оное, нѣтъ другаго отличія, кромѣ того, что соборъ 1667 г. имѣлъ высшую силу и власть сравнительно съ соборомъ 1666 года и что къ строгому запрещенію сего послѣдняго собора соборнымъ опредѣленіемъ 1667 г. присоединены клятвы и церковное отлученіе, направленные противъ всякаго, кто пожелалъ бы послѣ сего запрета остаться при прежнемъ обрядѣ». А если такъ, то я рѣшительно не понимаю, какъ г. Филипповъ можетъ не соглашаться съ мыслию, что соборная

(1) Доп. къ Ист. Акт. т. V, стр. 473; смес. Истор. русск. раск. стр. 182.

(2) Доп. къ Истор. Акт. т. V, стр. 503.

клятва изречена была не на употребленіе стараго обряда, признаннаго соборомъ неправильнымъ, а на тѣхъ его ревнителей, которые изъ-за него обозвали церковь, принявшую новоисправленный обрядъ, неправославною, еретическою, прервали общеніе съ нею и образовали изъ себя расколъ. Въ извлеченіи изъ постановленія собора 2 іюля 1666 г., которымъ, по словамъ г. Филиппова, начинается соборное дѣяніе 13 мая 1667 г., такъ опредѣлялось отношеніе къ церкви людей, употреблявшихъ старый обрядъ, надъ которыми долженъ былъ произнести свой судъ соборъ 1667 года: «нарицаху книги печатныя, новоисправленныя и новопреведенныя при Никонѣ бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнны, и чины церковныя, яже исправихася со греческихъ и древнихъ російскихъ книгъ, злословиша, имени хульными нарицаша ложно, и весь архіерейскій чинъ и санъ уничижиша, и возмутиша народъ буйствомъ своимъ, и глаголаша церкви быти не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники» и проч., вслѣдствіе чего священники перестали служить по новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ, и многіе отъ народа «отлучихася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія пречистаго тѣла и крове Христовы лишихася».., такъ какъ «во многихъ отъ народа мнѣніе вииде, яко ереси многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства, и послѣдованія церковныя» (1). Къ этимъ словамъ, кажется, нечего прибавлять, чтобы видѣть, какъ долженъ былъ поступить соборъ 1667 г. въ судѣ надъ ревнителями стараго

(1) Дополн. къ Истор. Акт. т. V, стр. 483—4

обряда. Если, по справедливому замѣчанію покойнаго митрополита московскаго Филарета, одного непослушанія церкви совершенно достаточно, чтобы, по слову Спасителя: (1) «аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь», признать непослушныхъ достойными отлученія, то могъ ли соборъ 1667 г. не предать проклятію реввителей стараго обряда, которые, какъ ему было извѣстно, не только не хотѣли покориться св. восточной Церкви и освященному собору, узаконившему обряды и книги новоисправленные, но еще варицали эти книги и обряды еретическими, а саму церковь называли не церковію, а царствомъ антихриста? Такъ соборъ и поступилъ. Имѣя въ виду враждебное и хульное отношеніе къ церкви лицъ, употреблявшихъ старый обрядъ, онъ подвергъ ихъ клятвѣ, «яко еретиковъ и непокорниковъ», — подвергъ клятвѣ не за употребленіе ими стараго обряда, хотя и неправильнаго, но не нарушающаго существа вѣры, а за хулы ихъ на церковь и ея обряды, чинопослѣдованія и таинства, за ихъ отдѣленіе отъ ней, какъ неправославной, еретической.

А что именно такія лица имѣлъ въ виду соборъ 1667 года, изрекая свою клятву, это видно изъ его же опредѣленій. Въ 27 правилъ свитка соборнаго, составленнаго *послѣ 13-го мая 1667 года* и напечатаннаго при Служебникѣ 1668 года, говоря о книгѣ «Жезлъ правленія», изданной соборомъ въ обличеніе челобитныхъ Никиты и Лазаря, которые въ своихъ произведеніяхъ «хулами нестерпимыми» уничижали «Бога, и святыхъ его, и всю церковь—возлюбленную невѣсту Христову» (2), отцы собора замѣчали при этомъ:

(1) Матв. XVIII, 17.

(2) Предисл. къ Жез. л. 17.

«и за то ихъ ложное писаніе и неправедное обличеніе и смущеніе предахомъ ихъ проклятію и анаемъ, яко же въ книгѣ Жезлѣ видится; обаче потомъ Никита попъ образумися и покааяся и принесе чистое покаяніе предъ нами и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, и тѣмъ получи онъ Никита попъ прощеніе и разрѣшеніе отъ того отлученія и клятвы и проклятія, и сочется во общеніе паки ко благочестивымъ и православнымъ христіаномъ; а та клятва и проклятіе... возводится нынѣ точію на Аввакума, бывшаго протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епифанца чернца соловецкаго, и Ѳедора діакона, и на прочихъ ихъ единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ, дондеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи» (1). Въ приведенныхъ мною словахъ рѣчь идетъ о соборной клятвѣ и даже объясняется самимъ соборомъ,—на кого, за что и на сколько времени наложена эта клятва. На кого же?—на Аввакума, Лазаря, дьякона Ѳедора и прочихъ ихъ единомышленниковъ, единомудренниковъ и совѣтниковъ, а не на чтимые ими обряды; за что?—за ихъ «ложное писаніе и неправедное обличеніе и смущеніе», а не за привязанность ихъ къ старому обряду; на сколько времени?—«дондеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи», т. е., пока не разстанутся съ своими лживыми мыслями и клеветами на

(1) Здѣсь говорится, что на Аввакума, Лазаря и др. „возводится клятва и проклятіе, еже писано есть въ книгѣ Жезлѣ“; но изъ этого не слѣдуетъ, будто здѣсь рѣчь идетъ о проклятій, отличномъ отъ клятвы, положенной соборомъ 13 мая 1667 года; напротивъ, какъ видно изъ опредѣленія относительно столпаваго собора (Доп. къ Ист. Акт. т. V, стр. 507), клятва, писанная въ Жезлѣ, есть въ тоже время и соборная клятва 13 мая 1667 года. Доп. къ Истор. Акт. т. V, стр. 473.

церковь и ея уставоположенія, пока не прекратятъ своей возмутительной дѣятельности, пока не покорятся церкви и ея законнымъ пастырямъ—на тѣхъ условіяхъ, какія церковная власть согласится предложить имъ (1). Это мѣсто соборнаго свитка такъ ясно говоритъ въ пользу мысли, что соборъ 1667 г. наложилъ свою клятву не на употребленіе стараго обряда, а на тѣхъ, кто изъ-за этого обряда отдѣлялся отъ церкви, какъ неправославной, хулилъ ея обряды и таинства, что я считаю излишнимъ входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ предме-

(1) А эти условія не только нынѣ, но даже и въ ту пору, о которой у насъ идетъ рѣчь, могли быть и дѣйствительно были различными. Однихъ изъ раскодоучителей церковь принимала въ свое общеніе послѣ торжественнаго признанія ими (на письмѣ) православія восточныхъ и русскихъ пастырей церкви, а равно новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ. На такомъ условіи былъ принятъ въ общеніе съ церковію Никита (Д. къ Ист. Акт. т. V, стр. 450—1). Другіе, не ограничиваясь подобнымъ письменнымъ признаніемъ правильности новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ и проклятіемъ прежнихъ хулевій на нихъ, обязывались еще, въ доказательство искренности своего раскаянія, читать «свое покаянное писаніе» предъ тѣми, кто былъ прельщенъ ихъ ложнымъ ученіемъ. Таковы условія предложены были соборомъ 1666 г. монаху Ефрему Потемкину (Тамъ же, стр. 453—5). Иныхъ церковь принимала въ свое общеніе безъ всякихъ «покаянныхъ рукописаній», довольствуясь однимъ устнымъ раскаяніемъ ихъ въ прежнихъ заблужденіяхъ, хулахъ и мятехахъ. Такъ приняты были въ церковь старецъ Соловецкаго монастыря Герасимъ Фирсовъ, іеромонахъ Авраамій, игуменъ Благовѣнскаго монастыря Сергій Саатывовъ и другіе. Когда въ 1657 году старецъ Григорій, бывший протопопъ Іованъ Нероновъ, на котораго Никонъ жаловался константинопольскому патріарху Паисію, явившись къ патріарху, объяснилъ ему, что онъ согласенъ принять троеперстіе, если его признаютъ правильнымъ вселенскіе патріархи, Никонъ съ любовію принялъ своего прежняго врага и даже позволилъ ему служить по старымъ служебникамъ, двоекъ адмалуію и проч. («Правосл. Соб.» 1869 г. ч. I, стр. 352 и 358). А Аввакумъ въ своей автобіографіи самъ сознается (Жит. стр. 27), что его простили бы, если бы онъ соединился со вселенскими патріархами «хотя небольшимъ чинъ», на что разстрига отвѣчалъ царю: «аще и умреги ми..., со отступниками не соединюся».

тѣ. А если бы кто либо пожелалъ узнать, въ чемъ состояло «неправедное обличеніе и смущеніе», за которое Аввакумъ, дьяконъ Федоръ и ихъ единомышленники были преданы соборомъ проклятію, тотъ можетъ исполнить свое желаніе, прочитавъ тѣ дѣянія собора 1666 года, въ которыхъ произнесенъ былъ судъ объ этихъ лицахъ, а равно и сочиненія указанныхъ расколоучителей, направленные противъ церкви (1).

Г. Филипповъ, знавшій это мѣсто соборнаго свитка и, вѣроятно, предчувствовавшій, что я уважу на него при окончательныхъ объясненіяхъ съ нимъ, — такъ какъ я уже ссылался на это опредѣленіе соборнаго свитка въ своей статьѣ: «о клятвѣ Московскаго собора 1667 г.», напечатанной въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1872 годъ, — счелъ нужнымъ въ своихъ объясненіяхъ 28 марта представить противъ него нѣсколько возраженій. Суть этихъ возраженій состоитъ въ слѣдующемъ: опредѣленіе собора 1667 года, въ которомъ изречена клятва и полный текстъ котораго г. Филипповъ привелъ еще въ своемъ первомъ чтеніи, не говоритъ ни слова ни объ Аввакумѣ, ни о Лазарѣ, ни о другихъ расколовождахъ, возмущившихъ миръ церкви, а «содержитъ въ себѣ общее, безличное обращеніе собора къ лицамъ, вины коихъ соборъ еще не знаетъ, а только хочетъ ее предупредить», и «имѣетъ въ виду преимущественно будущее», между тѣмъ какъ указанные расколовожди «были осуждены еще прежде и судились особо, въ мѣрѣ вины cadaго изъ нихъ». Что Аввакумъ, Лазарь и

(1) См. также въ «Хр. Чт.» за 1872 г., май, стр. 59—62.

другіе ихъ единомышленники судились и были осуждены еще прежде 13 мая 1667 года, именно, на соборъ 1666 г., это правда; но такая же правда и то, что означенныя лица не миновали суда и отцевъ собора 1667 года, на которомъ присутствовали и восточные патріархи. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ не только въ сочиненіяхъ самихъ расколотыхъ учителей, но и въ официальныхъ актахъ собора 1666—7 года. Аввакумъ самъ рассказываетъ въ своей автобіографіи о томъ, какъ его «поставили предъ вселенскихъ патріарховъ», съ которыми «и наши всѣ, что лисы, сидѣли», и какъ онъ предъ лицомъ всего собора (1667 года) на всѣ убѣжденія восточныхъ святителей отвѣчалъ: «и у васъ православіе пестро, отъ насилія турскаго Махмета немощни есте стали», а въ заключеніе замѣтилъ: «чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше единъ твой волю Божию, нежели тмы беззаконныхъ» (1). Что Аввакумъ въ этомъ случаѣ говоритъ правду, на это есть указаніе и въ дѣяніяхъ собора, гдѣ замѣчено, что упорный протопопъ послѣ разстриженія, совершоннаго 13 мая 1666 года, чрезъ нѣсколько времени «паки увѣщенъ бѣ ко обращенію, но тщетенъ трудъ и жданія бѣше» (2). Что касается Лазаря, то въ дѣяніяхъ собора 1666 года прямо говорится, что отцы собора, не смотря на его упорство, «терпѣли» окончательнымъ судомъ надъ нимъ «даже до пришествія святѣйшихъ патріарховъ Паисія александрій-

(1) Житіе, изд. 1861 года, стр. 83—6.

(2) Доп. въ Истор. Акт. т. V, стр. 448; снес. «Прав. Собес.» 1869 года, ч. 2, стр. 59; Истор. Россіи, Соловьева, т. XIII, стр. 216.

слаго и Макарія антиохійскаго», хотя и безъ успѣха, такъ какъ Лазарь вмѣсто раскаянія «здравья церкви уда повреждаше» и даже «весь освященный соборъ (очевидно, 1667 г.) въ лице укоряше», за что и былъ наконецъ «мечемъ анаемы отсѣченъ тремя святѣйшими патріархи и освященнымъ соборомъ, въ лѣто 7175 (т. 1667 г.) мѣсяца іюля въ 17 день» (1). Въ сочиненіи дьякона Федора, подъ названіемъ: «повѣсть о святыхъ отцахъ нашихъ священнопротопопѣ Аввакумѣ и священноіереи Лазарѣ и о преподобномъ Епифаніи» (2), говорится, что вмѣстѣ съ Аввакумомъ и Лазаремъ былъ еудимъ на соборѣ 1667 г. и инокъ Епифаній, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый Епифаній чернецъ соловецкій, на котораго, по словамъ соборнаго свитка, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Лазаремъ и ихъ единомышленниками, изречена была соборная клятва 1667 года. Наконецъ, есть основаніе думать, что и о другихъ расколовождяхъ, кромѣ указанныхъ, напримѣръ Никитѣ и дьяконѣ Федорѣ, окончательный судъ былъ произнесенъ уже на соборѣ 1667 года. (3).

Такимъ образомъ, приведенные факты не только подтверждаютъ справедливость 27 правила соборнаго свитка, по словамъ котораго, клятва изречена «точію на Аввакума, бывшаго протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епифанца чернца соловецкаго, и Федора дьякона, и на прочихъ единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ», но въ то же

(1) Доп. къ Ист. Акт. т. V, стр. 457.

(2) См. объ этой „Повѣсти“ въ Описан. раскол. сочин. А. Б., ч. I, стр. 22—8.

(3) Доп. въ Истор. Акт. т. V, стр. 451 и 452.

время объясняютъ и то, почему соборъ 1667 г., бывшій въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ и русскаго Іоасафа II-го, которые, какъ мы видѣли, утвердили постановленіе собора 1666 г., подвергавшее защитниковъ стараго обряда только «духовному наказанію и тѣлесному озлобленію», изрекъ на непослушныхъ анаѣму, т. е. поступилъ съ непокорными гораздо строже. «Слушая соборныя дѣла и писанія» собора 1666 года, восточные патріархи, естественно, могли быть болѣе или менѣе свободны отъ тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, какія невольно пришлось испытать имъ отъ дерзкихъ и хульныхъ рѣчей расколоуждей, при личномъ собесѣдованіи съ ними. А потому не удивительно, если патріархи на соборѣ 1667 года усилили строгость суда своего надъ виновниками «церковнаго мятежа» и предали анаѣмѣ не только расколоучителей, проклятыхъ и соборомъ 1666 г., но и всѣхъ ихъ «единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ», т. е. послѣдователей ихъ, которые соборомъ 1666 года еще не были осуждены и отлучены, вѣроятно, потому, что члены его, исключительно пастыри русской церкви, прежде сами употреблявшіе старые обряды, руководились въ своемъ опредѣленіи не столько строгой правдой, сколько милостію и снисхожденіемъ. Послѣ всего сказаннаго остается одно недоумѣніе: почему соборъ 1667 г., изрекая клятву на Аввакума, Лазаря, дьякона Ѳедора и проч., не сказалъ прямо, что рѣчь идетъ объ указанныхъ расколоучителяхъ, а далъ своему опредѣленію общую форму, обративъ его по выраженію г. Филипова, «ко всему исполненію православнаго русскаго народа—и къ великимъ, и къ малымъ, и къ

мужамъ и женамъ и даже къ отрокамъ? Это—потому, что соборъ при своемъ «общемъ» опредѣленіи 13 мая имѣлъ въ виду не только Аввакума, Лазаря и другихъ расколовождей, но и «единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ», которые, какъ извѣстно было членамъ собора, принадлежали къ разнымъ классамъ общества, были разнаго пола и возраста, относились къ церкви и ея обрядамъ также враждебно, какъ и учителя ихъ, и потому заслуживали одинаковаго съ ними наказанія—анаемы. А если такъ, то почему, спрашиваетъ г. Филипповъ, соборъ не сдѣлалъ въ своемъ опредѣленіи никакой оговорки, въ родѣ на примѣръ того, что лица, употребляющія старый обрядъ безъ вражды къ церкви и православному обряду, не подлежатъ соборной вл�твѣ? Это потому, что въ то время, когда соборъ изрекалъ свое опредѣленіе, такихъ лицъ не было на Руси; а такъ, какъ соборъ 1667 г., какъ это бываетъ и со всякимъ судомъ, произносилъ свой приговоръ не надъ тѣмъ, что могло явиться въ будущемъ и чего онъ не могъ и знать, а надъ тѣмъ, что существовало въ его время, то онъ и не могъ и даже не имѣлъ права дѣлать подобной оговорки, чтобы не связывать тѣмъ церковную власть въ будущихъ ея распоряженіяхъ. Но изъ того, что соборъ 1667 года не сдѣлалъ вышеуказанной оговорки, ни мало не слѣдуетъ, чтобы церковная власть послѣдующаго времени не могла измѣнить своихъ отношеній къ ревнителямъ стараго обряда и даже позволить имъ его употребленіе на извѣстныхъ условіяхъ, если бы *пастырь собора* явились лица, которыя, прекративъ свою вражду противъ церкви и ея обрядовъ, стали бы употреблять старый

обрядъ только по привычкѣ къ нему. Иначе, слѣдую логикѣ г. Филиппова, пришлось бы обвинить въ непредусмотрительности и въ разныхъ противорѣчійхъ отцевъ вселенскихъ соборовъ и даже Церковь апостольскую. Такъ, наприимѣръ, Церковь апостольская, имѣя въ виду современныхъ ей еретиковъ; извращавшихъ главные догматы вѣры — о Богѣ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ, постановила въ 46 правилѣхъ — *перекрещивать всякаго еретика*, при переходѣ его въ церковь, чѣмъ доселѣ и руководствуются наши безпоповцы, при приемѣ въ свое общество православныхъ (1). А между тѣмъ, когда впоследствии времени стали являться еретики иного характера и ученія, соборы вселенские и помѣстные опредѣлили въ некоторыхъ изъ нихъ принимать въ церковь безъ повторенія крещенія — чрезъ миропомазаніе и даже чрезъ одно отреченіе отъ ереси (2). Что же? Опредѣливъ принимать въ церковь въ некоторыхъ еретиковъ не чрезъ крещеніе, соборы впади-ль въ противорѣчіе съ 46 апостольскимъ правиломъ, которымъ повелѣвается *перекрещивать всякаго еретика* и въ которомъ «нѣтъ ни одного слова, изъ котораго можно было бы вывести», что апостольская Церковь признавала еретическое крещеніе не истиннымъ «только на время», или что она «предвидѣла возможность» признанія «въ будущемъ на какихъ бы то ни было условіяхъ» еретическаго крещенія правильнымъ? Я думаю, и г. Филипповъ не скажетъ этого. А если такъ, то онъ долженъ необходимо согласиться, что и Св. Синодъ, допустивъ въ единовѣрїи употребленіе старыхъ обрядовъ, не впасть въ

(1) «Хр. Чит.» 1865 г., ч. 1, 606—652.

(2) Св. 96 пр. VI вселен. соб., 7 пр. лаод. соб. и др.

противорѣчіе съ соборомъ 1667 года, въ опредѣленіи котораго, по словамъ г. Филиппова, «нѣтъ ни слова, изъ котораго можно было бы вывести, что онъ исключаетъ эти обряды изъ употребленія только на время и что онъ предвидѣлъ возможность ихъ восстановленія въ будущемъ на какихъ бы то ни было условіяхъ». Соборъ 1667 года запретилъ употребленіе стараго обряда, но, какъ справедливо замѣтилъ въ своей рѣчи профессоръ Чельцовъ, только *своимъ современникамъ*, изъ-за этого обряда прервавшимъ общеніе съ церковію и обозвавшимъ ее церковію еретическою; для послѣдующихъ же поколѣній это запрещеніе обязательно на столько, на сколько признаетъ его такимъ церковная власть ихъ времени.

Кромѣ 27-го правила соборнаго свитка, въ разсматриваемомъ мною вопросѣ имѣетъ не мало значенія и 26-е правило того же свитка. Въ этомъ правилѣ содержится сужденіе собора 1667 года объ «епистолиі константинопольскаго патріарха Павсія». Г. Филипповъ въ своемъ чтеніи 18 января привелъ одно мѣсто изъ этой «епистолиі», взявъ его изъ моей статьи, напечатанной въ майской книжкѣ «Христ. Чтенія» за прошлый годъ, — привелъ въ подтвержденіе своей мысли о широкой свободѣ обряда въ древней церкви. Возражая противъ нѣкоторыхъ положеній г. Филиппова 25 февраля, и съ своей стороны указывалъ на одно мѣсто той же епистолиі константинопольскаго патріарха, изъ котораго видно, что первые расколоучители: Павелъ, епископъ коломенскій, и протопопъ Іоаннъ Нероновъ, не хотѣвшіе разстаться съ своими старыми обрядами, признавались Павсіемъ достойными отлученія, если не исправятся. Такимъ образомъ,

какъ бы выходить, что одинъ и тотъ же восточный святитель и признавалъ свободу обряда, при единствѣ вѣры, и въ тоже время отрицалъ ее, или другими словами: противорѣчилъ самому себѣ. На самомъ дѣлѣ, однако же, въ посланіи Паусія нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія, а содержится одинъ истинный взглядъ святителя и константинопольскаго собора на значеніе обрядовыхъ особенностей. Считаю не лишнимъ поэтому рассмотреть это посланіе съ большою обстоятельностью, чѣмъ это сдѣлано мною въ упомянутой статьѣ «Христ. Чтенія», въ которой г. Филипповъ, не нашелъ достаточныхъ основаній для признанія своего взгляда на значеніе соборной клятвы неправильнымъ.

Извѣстно, что лишь только патріархъ Никонъ заявилъ на соборѣ 1654 г. свои предположенія о необходимости новаго пересмотра и исправленія книгъ, при чемъ указалъ и нѣкоторыя, замѣченныя имъ въ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ, погрѣшности, какъ последовалъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ собора, рѣзкій протестъ противъ всякаго исправленія. И хотя погрѣшности, указанныя Никонъ на соборѣ 1654 года, были неважны, не касались догматовъ вѣры и не вредили чистотѣ православія русской церкви; но поелику, вслѣдствіе обрядоваго направленія религіозной мысли тогдашняго общества, чего не чуждъ былъ и самъ патріархъ Никонъ, этимъ погрѣшностямъ, касавшимся буквы и обряда, усвоено было слишкомъ важное значеніе,—одни возводили ихъ на степень святыхъ и неприкосновенныхъ догматовъ, отрицаніе которыхъ казалось имъ еретичествомъ, другіе, напротивъ, думали, что

эти погрѣшительныя чины растлѣваютъ самую вѣру, — до патріархъ Никонъ призналъ за лучшее за рѣшеніемъ вопроса объ этихъ чинахъ обратиться къ константинопольскому патріарху, и потому послалъ ему съ грекомъ Мануиломъ 26 вопросовъ касательно чинъ церковныхъ и погрѣшностей, вкрапившихся въ наши богослужебныя книги. Получивъ эти вопросы, патріархъ Павсій поспѣшилъ созвать соборъ, на которомъ, подъ его предсѣдательствомъ, присутствовало 28 архипастырей; вопросы внимательно были разсмотрѣны и соборное рѣшеніе было прислано въ Москву въ формѣ посланія константинопольскаго патріарха къ всероссійскому. Что же пишетъ въ немъ всенскій патріархъ?

Замѣтивъ изъ свойства самыхъ вопросовъ, что на Руси усвоено было большое значеніе предметамъ, далеко несущественнымъ въ дѣлахъ вѣры, патріархъ Павсій, послѣ благодаренія Господу, воздвигшему въ Россіи ревностнаго архипастыря, и пожеланія Никону многолѣтняго здравія, прежде всего обстанавливается на разъясненіи того, что можетъ растлѣвать вѣру и что ни мало не вредитъ ей, что такое — ересь, что — расколъ и что — разность въ чинахъ неважныхъ, не касающихся догматовъ вѣры. Вотъ это замѣчательное мѣсто, приведенное г. Филипповымъ отрывочю. «Вижду въ граматахъ преблаженства твоего, — такъ писалъ восточный святитель Никону, — и жалится вѣло о несогласіи нѣкихъ чинъ, иже бывають въ дѣкихъ церквахъ, и недщуетъ, яко тѣхъ различніи чинове растлѣваютьъ вѣру нашу; о немъ же хвалимъ мысль, ибо который боится преступленій малыхъ погрѣшеній, сохраняется отъ великихъ, но исправляемъ

намѣреніе; ибо елико о еретицѣхъ имамы велѣніе отъ апостоловъ, да бѣгаемъ ихъ, по первомъ и второмъ наказаніи, яко развращенныхъ, подобнѣ и раздорниковъ (т. е. раскольниковъ); иже аще и являют-ся, яко согласуютъ въ вѣщшихъ догматѣхъ православныхъ, но имутъ и нѣкая своя *чуждая отъ соборныя мысли церковныя*. Но аще случится нѣкоей церкви разнствовать отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ не нужныхъ и существительныхъ вѣры, сирѣчь, не прикасающихся свойственнымъ составомъ вѣры, но малыхъ, якоже есть время литургіи и подобныхъ; сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно». Сказавъ затѣмъ, что церковь не отъ начала приняла все то чинопослѣдованіе, какое содержитъ нынѣ, а постепенно, и что въ разныхъ церквахъ нѣкоторые чины вводились разновремен-но, и однакожь все это не производило раздѣленій между церквами, и они не считались ни еретическими, ни раскольническими, Павсій продолжалъ: «не подобаетъ убо ниже нынѣ нещевати, яко развращается вѣра наша православная, аще единъ творить послѣдованіе свое, мало различное отъ другаго въ вещахъ, яже не суть существительныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласить въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковію» (1).

Такимъ образомъ, по взгляду вселенскаго патріарха Павсія, писавшаго посланіе свое отъ лица всего константинопольскаго собора, обрядовыя разности «въ чинѣхъ ненужныхъ», не касающихся догматовъ вѣры, — когда содержащіе эти разности «согласуютъ

(1) «Хр. Чит.» 1872 г., май, стр. 25—6.

въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковію», — ни мало не препятствуютъ церковному единству и согласію, не производятъ раздѣленія между церквами и не считаются ни ересью, ни расколомъ. Расколомъ, по суду его, называется то, когда кто является согласнымъ съ церковію «въ вѣщныхъ догматѣхъ православныхъ», но при этомъ содержитъ и «нѣкая своя чюждая отъ соборныя мысли церковныя», т. е. мысли, противныя ученію соборной церкви.

Высказавъ такое сужденіе о значеніи обрядовыхъ разностей, патріархъ Павсій въ седьмомъ отвѣтѣ останавливается на тѣхъ распряхъ, какія происходили у насъ изъ-за этихъ разностей, и говоритъ слѣдующее: «о распряхъ, яже имате о чинѣ божественнаго тайнодѣйствія, якоже пишете въ седьмомъ прошеніи, — молимъ именовъ Господа нашего Іисуса Христа, да утолитъ ихъ преблаженство твое разумомъ твоимъ; рабу бо Господню не подобаетъ сваритися, наипаче же въ вещахъ, яже не суть собственныя и существительныя и составы вѣры, и совѣщевай ихъ пріяти сей чинъ, иже пишемъ вамъ, иже держится во всей восточной церкви, изначала въ насъ по предавію достигъ, кромѣ еже ни едину вещь предложить намъ, и сію похвалу имамы... Но аще и ваши суть не согласны съ нашими въ вещахъ нужныхъ, а не во оныхъ, яже оставляетъ уставъ на волю настоятеля, пишете намъ, каа суть, и разсудимъ и о сихъ соборнѣ» (1). Здѣсь патріархъ Павсій прямо говоритъ, что обрядовыя разности относятся къ разряду предметовъ, которые уставъ оставляетъ на волю на-

(1) Скрижалъ, ч. 1, стр. 609—611.

стоятеля; значитъ, какъ патріархъ Никонъ, такъ и всякая другая, преемствующая ему, русская церковная власть, стремясь къ полному согласію чиновъ свей мѣстной церкви съ восточною, имѣетъ право разрѣшить существованіе и нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей, если только съ содержаніемъ ихъ не будетъ соединяться ученіе, противное православію. Но если бы оказались разности «въ вещахъ нужныхъ»,—о такихъ, по смыслу «епистоли», русская церковная власть должна извѣщать вселенскаго патріарха для общаго, соборнаго сужденія о нихъ.

А что Павсій подъ неважными обрядовыми разностями, которыя не касаются догматовъ вѣры и предоставляются уставомъ на волю настоятеля, разумѣлъ не одно время совершенія литургіи и под., но и болѣе серьезные предметы,—это видно изъ 24 и 25 его отвѣтовъ, въ которыхъ восточный святитель, рѣшая вопросы Никона: какими перстами нужно креститься и пастырямъ церкви благословлять народъ, и замѣтивъ, что «благословіе, пристойнѣе и чище» совершать крестное знаменіе тремя первыми перстами, а благословлять народъ, такъ называемымъ, именованнымъ благословеніемъ, прибавлялъ при этомъ: «и которыми персты начертываетъ кто сія четыре письмена, ничтоже разнствуетъ (т. е. это не важно), токмо да имать мысли благословляяй и благословляемый, яко благословеніе сіе сходитъ отъ Іисуса Христа рукою священническою» (1). Эти слова Павсія ближайшимъ образомъ относятся къ сложенію перстовъ для благословенія, но мнѣ кажется, что безъ всякаго нарушенія правды они могутъ быть примѣнены и къ

(1) Тамъ же, стр. 743—3.

перстосложенію для крестнаго знаменія; такъ какъ вообще, по мысли Павсія, не самое перстосложеніе важно, а соединяемое съ нимъ ученіе; не важно, если кто творить на себѣ крестное знаменіе тѣми, или иными перстами, но важно то, чтобы при томъ или другомъ перстосложеніи молящійся исповѣдывалъ еди-наго Бога въ трехъ Упостасяхъ и распинался вкупѣ со крестомъ Господа нашего Іисуса Христа.

Но если такъ, если обрядовыя разности и даже сложеніе перстовъ для благословенія и крестнаго зна-менія—не важны, то почему же восточный святитель совѣтовалъ употреблять извѣстное перстосложеніе и вообще обрядовыя дѣйствія, а не предоставилъ этого полному произволу каждаго? «Да ни едино разнство имама, отвѣчалъ на это Паисій въ особомъ письмѣ Никону и царю, яко чада истинная единыя и тояжде матере, восточныя апостольскія соборныя великія церкви Христовы, и да ни едину вину обрѣтають скверная еретическая уста оглаголати насъ о нѣко-емъ разствѣ» (1).

Далѣе: если обрядовыя разности не важны, то по-чему тотъ же вселенскій патріархъ, отвѣчая на во-просъ Никона: какъ поступить ему съ епископомъ ко-ломенскимъ Павломъ и протопоп. Іоанномъ Нероно-вымъ, которые, какъ жаловался Никонъ, не согла-шались съ нимъ, содержали свои особыя книги, свою литургію, свое крестное знаменіе и проч., писалъ: «сія вся суть знаменія ереси и раздора, и который сицевая глаголетъ и вѣруеть, есть чуждъ православ-ныя нашея вѣры. Убо или да примутъ нелицемернѣ, елика держить и догматствуетъ православная наша

(1) Увѣтъ, пред. л. 23.

церковь, или по первомъ и второмъ наказаніи, пре-
бывше неисправлени, да отвержете и разлучите ихъ
изверженіемъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питають
я смертною пажитію, и будете имѣти и насъ, и весь
о насъ соборъ таяжде мудрствующія въ семь» (1)?
Еслибы вина указанныхъ лицъ состояла только въ
томъ одномъ, что они отстаивали несущественныя
въ дѣлѣ вѣры обрядовыя разности, нѣтъ сомнѣнія,
Павсій не осудилъ бы ихъ, такъ какъ, по его же
словамъ, «не развращается вѣра наша православная,
аще единъ творить послѣдованіе свое, мало различ-
ное отъ другаго въ вещахъ, яже не суть существу-
тельныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласить
въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковію»,
или другими словами: одно содержаніе обрядовыхъ
разностей, не противныхъ вѣрѣ, не заслуживаетъ
осужденія. Но такъ какъ епископъ коломенскій Па-
велъ и протопопъ Іоаннъ Нероновъ, какъ писалъ объ
нихъ Никонъ, не только содержали нѣкоторые особые
обряды—свое крестное знаменіе, свои книги и по
нимъ совершали службу, но еще порицали патриар-
шія молитвы и литургію «и тщались принести новины
свои и сокровенныя молитвы, яко исправленіе» (2),
т. е. худили православное богослуженіе и свои обря-
довыя особенности старались навязать всѣмъ, какъ
необходимое исправленіе, какъ неизмѣнный догматъ
вѣры,—вселенскій патриархъ справедливо призналъ
во всемъ этомъ «знаменія ереси и раздора»; изъ оп-
позиціонной дѣятельности Павла коломенскаго и Не-

(1) Сяриж. стр. 611—13.

(2) Тамъ же, стр. 615.

ронова ясно обнаруживалось, что они хотя и согласны были съ патриархомъ Никономъ «въ вѣщшихъ догматахъ православныхъ», но имѣли «и нѣкая своя чуждая отъ соборныхъ мысли церковныя». По этому-то, совѣтуя Никону употребить законное вразумленіе по отношенію къ раздорникамъ, восточный святитель, въ случаѣ несогласія ихъ принять то, «елика держитъ и догматствуетъ православная церковь», — и отказаться отъ чуждыхъ ей мыслей, уполномочилъ Никона, отлучить непокорныхъ отъ церкви. Для чего? «да не питають овецъ Христовыхъ смертною пажитію».

Если все, сказанное нами объ «епистолиі» патриарха Павсія, свести къ одному итогу, то получатся слѣдующія положенія, которыми вселенскій святитель совѣтовалъ Никону руководствоваться по отношенію къ ревнителямъ стараго обряда:

1) Не должно смѣшивать обрядовъ и чиновъ, не касающихся догматовъ, неважныхъ и несущественныхъ, съ истинами православной вѣры.

2) Кромѣ единства вѣры, должно содержать всемо, какъ чадамъ одной и той же матери, и тотъ чинъ, который содержится во всей восточной церкви и сохраняется въ ней «изначала» безъ малѣйшей перемѣны, «да ни едину вину обрѣтають скверная еретическая уста оглаголати насъ о нѣкоемъ разствѣ».

3) Впрочемъ и существованіе разностей въ нѣкоторыхъ обрядахъ и чинахъ, — «не нужныхъ и существенноныхъ вѣры, но малыхъ», если съ содержаніемъ ихъ не соединяется мыслей, противныхъ соборной церкви, не вредитъ чистотѣ православія и церковному единенію. Разности этого рода какъ были въ преж-

нее время, — «ибо не взятъ церковь наша изначала образъ сей послѣдованія, еже держитъ нынѣ»; такъ могутъ быть и теперь, — «не подобаетъ и нынѣ нещевати, яко развращается вѣръ наша православная, аще единъ творитъ послѣдованіе свое, мало различное отъ другаго въ вещахъ, яже не суть существенныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласить въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковію».

4) Всѣ такого рода обрядовыя разности относятся къ разряду предметовъ, которые уставъ оставляетъ на волю настоятеля церкви, который поѣтому, смотря по обстоятельствамъ и нуждамъ пасомыхъ и ради спасенія ихъ, имѣетъ право разрѣшать содержаніе такихъ разностей, не противныхъ вѣрѣ.

5) Но если съ содержаніемъ обрядовъ и чиновъ, самихъ по себѣ неважныхъ и несущественныхъ, соединяются мысли, чуждыя соборной церкви, какъ напр. возведеніе обряда на степень догмата, порицаніе православнаго (съ другими обрядами) богослуженія и противленіе законной церковной власти, то въ этомъ обнаруживаются знаменія ереси и раздора, и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, тотъ чуждъ православныя вѣры.

6) Содержащіе такого рода раздорническія мысли, подобно Павлу коломенскому и Іоанну Неронову, если по первомъ и второмъ наказаніи останутся нераскаянными, должны быть отлучены отъ церкви, чтобы не могли своимъ ложнымъ ученіемъ повредить истинно вѣрующимъ чадамъ ея.

7) Новое сношеніе съ вселенскими патріархами и соборное обсужденіе необходимо въ томъ случаѣ, если въ русской державѣ замѣчена будетъ каная либо осо-

близость въ вещахъ нужныхъ, касающихся членовъ и догматовъ вѣры (1).

Таковы правила, которыми патріархъ Павсій въ своей «епистолиі» совѣтовалъ патріарху Никону руководствоваться по отношенію къ мнимо-старымъ обрядамъ и ихъ читателямъ. Что-же далѣе? То, что соборъ 1667 года эти правила призналъ вполне правильными и какъ самъ руководился ими въ своихъ опредѣленіяхъ, такъ предписалъ ихъ въ руководство русской церкви и на будущее время. «Епистолиа», читаемъ мы въ 26 правилѣ соборнаго свитка, яже писана отъ нашего брата святѣйшаго Куръ Павсія архіепископа константинопольскаго Новаго Рима и вселенскаго патріарха, о нѣкоторыхъ церковныхъ вещехъ по вопросамъ отвѣты, якоже отъ нашего брата святѣйшаго Павсія патріарха и отъ того священнаго собора написано есть, тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ» (2). А если такъ, то, я надѣюсь, г. Филипповъ позволить мнѣ изъ всего сказаннаго сдѣлать слѣдующее заключеніе: соборъ 1667 г. не только не проклялъ содержанія, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ, но даже и не могъ этого сдѣлать безъ прямого противорѣчія самому себѣ и своимъ опредѣленіямъ. И если онъ, признавъ правильною и утвердивъ «епистолию» патріарха Павсія, изрекъ въ то же время анаѣмъ на ревнителей стараго обряда, то сдѣлалъ это, очевидно, потому, что съ содержаніемъ обрядовъ и чиновъ, самихъ по себѣ неважныхъ и несущественныхъ, они соединяли мысли, чуждыя соборной

(1) См. обстоятельную статью объ этомъ въ Донск. епарх. вѣдом. 1873 г. № 17.

(2) Доп. въ Ист. Акт. т. V, стр. 472.

церкви, именно: считали старый обряд неизмѣннымъ догматомъ вѣры, безъ котораго будто бы невозможно самое спасеніе, хулили обряды православія и саму церковь, усвоившую ихъ, и отдѣлялись отъ ней, какъ отъ церкви еретической, чины и таинства которой будто бы «осквернены ересьми многими и антихристовою скверною».

Впрочемъ, если бы у кого либо возникло сомнѣніе относительно справедливости такого заключенія, тому я укажу еще на одно правило соборнаго свитка, которое хотя прямо не относится къ разсматриваемому нами вопросу, но можетъ служить къ разъясненію смысла клятвы, изреченной соборомъ надъ равнителями стараго обряда. Я разумѣю 14 правило, въ которомъ читаемъ слѣдующее: «благословиномъ всякому освященнаго чина и монахомъ одѣяніе носити, якоже носятъ вси освященнаго чина и монахи святыя восточныя церкви, обаче не принуждаемъ, но подражателей ея благословляемъ; аще же кто не покоренъ есть и не хочетъ токова одѣянія носити, повелѣваемъ, да не укоряетъ носящихъ; аще ли же кто стаетъ укоряти носящихъ греческія одежды, таковый, аще будетъ отъ освященнаго чина, да извержется, аще же отъ мірскаго, да будетъ отлученъ» (1).

Надѣюсь, никто не будетъ спорить, что вопросъ объ обычной одеждѣ священнослужителей относится къ разряду такихъ, которые нимало не касаются существа вѣры и безразличны для религіозно-нравственной жизни и спасенія человѣка; а между тѣмъ и на немъ остановилось вниманіе собора, — «достойно, замѣчаетъ онъ, и сіе въ забвеніе не оставити», — и,

(1) Доп. къ Ист. Авг. т. V., стр. 470—1.

преслѣдуя ту цѣль, «яко бы во святѣй православнѣй церкви было единомысліе и согласіе во всемъ, якоже во священнодѣйствіи и во священныхъ ризахъ и во прочихъ церковныхъ чинѣхъ, такожде быти согласно и во всякихъ одѣяніяхъ», соборъ узаконяетъ для священнослужителей форму одежды греческой. При этомъ, благословляя тѣхъ, которые станутъ носить эту одежду, онъ не принуждаетъ къ тому и всѣхъ другихъ. Однако отъ тѣхъ, кто не покорится собору, требуетъ, чтобы они не укоряли носящихъ предписываемую имъ одежду; въ противномъ случаѣ лицамъ священнаго чина угрожаетъ низверженіемъ, а мірянамъ отлученіемъ отъ церкви. Здѣсь, такимъ образомъ, мы еще разъ встрѣчаемъ клятву собора по одному изъ частныхъ и, по видимому, самыхъ неважныхъ вопросовъ— по вопросу объ одеждѣ. На кого же налагается клятва? на непокоряющихся собору. За что же? За толи, что они не хотѣли разстаться съ своею прежнею формою платья? Нѣтъ, а за то, что, удерживая свою одежду и не принимая одежды, предписываемой соборомъ, они осмѣливались порицать носящихъ послѣднюю. Здѣсь виною, вполнѣ заслуживающею отлученія отъ церкви, является не разность въ одеждѣ, а та вражда, съ которою относились не желавшіе принять узаконенное соборомъ одѣяніе какъ къ этому одѣянію, такъ и къ лицамъ, носящимъ его,—вражда, которая сама собою уничтожаетъ тотъ духъ мира, согласія и любви, безъ котораго, и при согласіи въ догматахъ вѣры, немислимо полное церковное единеніе, о чемъ и было заявлено г. Филиппову еще 18-го января однимъ достопочтеннымъ членомъ нашего общества. Лица, питающія вражду къ распоряженіямъ законной

церковной власти, хотя бы распоряженія эти были неважны сами по себѣ, и порицающія покоряющихся имъ, естественно являются противниками церкви, разрываютъ въ ней союзъ любви и единодушія и за то вполне заслуживаютъ строгаго суда церковнаго-низверженія, или отлученія (1). *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (2), говоритъ самъ Спаситель. Значить, тамъ, гдѣ нѣтъ любви, гдѣ напротивъ, при существованіи нѣкоторыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей, открыто выражается вражда противъ православныхъ обрядовъ, противъ содержащихъ ихъ и даже противъ всей церкви, тамъ нѣтъ и не можетъ быть церковнаго единенія. А таково именно, какъ видно изъ дѣяній самаго собора, и было отношеніе къ церкви и ея обрядамъ ревнителей стараго обряда, которыхъ судилъ и осудилъ соборъ 1666—7 года. Этимъ я и заканчиваю разборъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года. Незнаю, какъ другіе, но я, послѣ всего сказаннаго, положительно не могу согласиться съ г. Филипповымъ въ томъ, будто бы клятва собора положена была собственно на употребленіе стараго обряда, независимо отъ отношенія чтителей его къ церкви и ея обрядамъ, и снова утверждаю, что, по моему убѣжденію, соборъ 1667 года проклялъ не обряды, признанные имъ неправильными, хотя и не нарушающими существа вѣры, и не содержаніе ихъ, но всѣхъ тѣхъ, кои изъ-за этихъ обрядовъ отдѣлялись отъ церкви, какъ отъ еретической, хулили ея таинства и обряды, порицали

(1) Донск. епарх. вѣд. 1873 г. № 17.

(2) Иоанн. XIII, 35.

іерархію и, разорвавъ всякое общеніе съ церковію, образовали изъ себя отдѣльное отъ церкви, самочинное общество; другими словами: соборъ 1667 г. проклялъ расколъ, отступничество отъ церкви изъ-за старыхъ обрядовъ неразумныхъ и упорныхъ ревнителѣй буквы и обряда.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о другихъ доводахъ, которые г. Филипповъ приводилъ 18-го января въ защиту своей мысли и которые, по его словамъ, и послѣ моихъ возраженій остались «совершенно твердыми», или даже сдѣлались «тверже, чѣмъ прежде».

Первымъ изъ такихъ «доводовъ» г. Филипповъ считаетъ чинъ принятія въ церковь приходящихъ отъ раскола, который былъ изданъ въ 1720 году, по повелѣнію Петра I, и по которому присоединяемый долженъ былъ, между прочимъ, произносить слѣдующее: «проклинаю вся ереси и отступства, и злохуленія, и раскоды, а именно: сложеніе тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихрестовою нарицающихъ и не знаменующихся тремя первыми персты, но двѣма указательнымъ и среднимъ; трикратное глаголаніе аллилуіа и имя Іисусово, пишемое сице: Іисусъ, ересію и крестъ четвероконечный идоломъ, кумиромъ, мерзостію запустѣнія, стоящею на мѣстѣ святѣ; молитву сію: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, новою молитвою еретическою нарицающихъ и глаголющихъ по псалмѣхъ аллилуіа по дважды, а не по трижды, и не глаголющихъ сея молитвы: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ» и проч. Хотя, какъ я уже говорилъ и какъ вы сами изволи-

те видѣть, здѣсь присоединяемый отъ раскола долженъ былъ проклинать содержавшихъ двуперстіе, сугубую аллилуіа и проч., не за употребленіе ими стараго обряда, а за хулы ихъ на обряды православія, хотя въ такомъ именно смыслѣ понимаютъ проклятiя чина 1720 года и болѣе другихъ умные и безпристрастные раскольники, вслѣдствіе чего, при перепечатанiи этого чина—съ цѣлію доказать послѣдователямъ старины, будто церковная власть во времена Петра проклинала собственно употреблявшихъ старые обряды, независимо отъ отношенія ихъ къ обрядамъ православія, считаютъ нужнымъ передѣлывать его и для этого опускаютъ изъ чина всѣ вышеприведенныя проклятiя ('); тѣмъ не менѣе г. Филипповъ не находитъ возможнымъ признать такой взглядъ на смыслъ чина 1720 г. правильнымъ. Почему же? потому, что, по его словамъ, какъ довѣренныя лица церковной власти, такъ и самъ Св. Синодъ требовали, на основанiи этого чина, чтобы обращающіеся къ церкви раскольники произносили клятву прямо на двуперстіе и другія особенности до-никоновскаго обряда. Въ подтвержденіе того, будто бы лица довѣренныя св. Синода требовали отъ присоединяющихся къ церкви раскольниковъ клятвы собственно на содержимые ими обряды, г. Филипповъ ссылается на извѣстное уже Вамъ донесеніе Св. Синоду златоустовскаго архимандрита Антонія, въ которомъ судья Приказа церковныхъ дѣлъ, завѣдывавшій дѣлами по расколу, пи-

(') Такъ поступила, между прочимъ, прусская безпоповщинская обитель, издавшая этотъ чинъ въ передѣланномъ видѣ — еще въ то время, когда ея управлялъ вышшій настоятель Никольскаго едино-вѣрческаго монастыря (въ Москвѣ), о. Павелъ прусскій.

саль; между прочимъ, слѣдующее: «какъ записные раскольники, такъ и не записные новопечатную присягу (т. е. чинъ 1780 года) по указу исполнить и святаго причащенія сподобитися желаютъ, и означенныя въ той присягѣ ихъ раскольничьи прелести, кромѣ двуперстнаго сложенія, проклинаютъ, а оное двуперстное сложеніе не проклинаютъ, и съ оными что чинить?» И хотя 25 февраля я замѣчалъ г. Филиппову, что послѣднія слова донесенія Антоніева не выражаютъ истиннаго смысла проклятія, находящагося въ чинѣ, по которому принимались въ церковь обращающіеся къ ней раскольники, и суть не болѣе, какъ неточность въ выраженіи, допущенная Антоніемъ по незнанію имъ «приказнаго регула», — однако г. Филипповъ не соглашается съ такимъ взглядомъ на дѣло и, принимая слова Антонія за чистую монету, утверждаетъ, на основаніи ихъ, что «Антоній считалъ нужнымъ требовать на основаніи чина 1720 года и въ дѣйствительности требовалъ отъ обращающихся къ церкви раскольниковъ, чтобы они проклинали всѣ, содержащія ими, особенности до-никоновскаго обряда». Чтобы придать своему мнѣнію болѣе силы, г. Филипповъ указываетъ на то, что Антонію, какъ довѣренному лицу Синода, какъ судѣ Приказа церковныхъ дѣлъ, «трудно было ошибиться въ томъ, чего отъ него требовала власть», давая ему въ руководство чинъ 1720 года, «безъ сомнѣнія, при какомъ нибудь руководительномъ предписаніи, или изустномъ разъясненіи». Говоря это, г. Филипповъ, вѣроятно, забываетъ, что у насъ идетъ рѣчь о первой четверти прошлаго столѣтія. Если и въ наши дни иногда встрѣчаются слу-

жація лица, которыя ошибаются (намѣренно, или не намѣренно, это другой вопросъ) въ пониманіи распоряженій высшей власти, если и въ наше время большая часть законодательныхъ актовъ рассылаются для исполненія безъ всякихъ «руководительныхъ предписаній, или изустныхъ разъясненій», то что же сказать о временахъ Петра I, когда канцелярскіе порядки, существующіе въ наше время, только еще устанавливались? И я увѣренъ, что еслибы г. Филиповъ судилъ о занимающемъ насъ вопросѣ не по требованіямъ современнымъ и не по догадкамъ, а на основаніи того, что говорятъ памятники временъ Петра,—онъ непременно согласился бы со мною во взглядѣ на Антонія и его подъяческую дѣятельность. А памятники эти говорятъ слѣдующее: когда «раскольничьи дѣла были поручены Святѣйшему Синоду» и когда, вслѣдствіе этого, Антонію, какъ судѣе церковнаго приказа, пришлось вѣдать «всякія о раскольникахъ (¹) дѣла»,—онъ немедленно посылаетъ въ Синодъ просьбу, въ которой пишетъ слѣдующее: «прошедшаго августа 10 числа сего 721 года, въ доношеніи моемъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, написано, чтобъ, указомъ Царскаго Величества и Святѣйшаго Правительствующаго Синода повелѣніемъ, повелѣно во отправленію его государевыхъ дѣлъ въ Приказъ церковныхъ дѣлъ опредѣлить ко мнѣ товарищевъ изъ духовнаго или изъ мірскаго чина дву человекъ, понеже мнѣ оныхъ дѣлъ, *за умноженіемъ и за недознаніемъ приказнаго регулу*, одному отправлять невозможно; и на оное изъ Святѣйшаго

(¹) Полн. Собр. Пост. т. II, стр. 371.

Правительствующаго Синода резолюціи и до днесь я не получалъ. Того ради нынѣ паки Царскаго Пресвѣтлаго Величества и Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошу, дабы ко отправленію оныхъ положеннымъ на мнѣ его государевыхъ дѣлъ въ Приказъ церковныхъ дѣлъ опредѣлены были ко мнѣ изъ духовнаго или изъ мірскаго чина товарищи, знающіе приказной регулъ, два или три человека, понеже мнѣ одному оныхъ дѣлъ, за умноженіемъ, а паче что оныя дѣла сочиненныя вновь, изъ которыхъ происходятъ великія сопротивленія ко святѣй восточной церкви, и достойны оныя слѣдованію не безъ совѣта; а я оныя отправляю одинъ, въ которыхъ опасенъ отъ недознанія своего каковаго погрѣшенія въ рѣшеніи, понеже я напередъ сего ни у какихъ дѣлъ, не токмо у таковыхъ или подобныхъ имъ, но ни мало онымъ слѣдующимъ, не бывалъ; такожь и какъ оныя, такъ и прочія дѣла каковымъ содержать образомъ и по нихъ слѣдовать, о томъ ни откуда Его Царскаго Величества указу и особливои инструкціи не имѣю, токмо отправляю оныя елико могу изъ нихъ познать каковую силу къ склоненію. Да и для того оныхъ дѣлъ править мнѣ одному невозможно, понеже оной Приказъ издревле таковыхъ дѣлъ, каковыя нынѣ содержатся, въ себѣ не имѣлъ, къ которымъ я нимаю заобычаенъ; а ежели ко отправленію оныхъ дѣлъ вспомошествованіе изъ знающихъ приказной регулъ никого ко мнѣ опредѣлено не будетъ, то у Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества и у Святѣйшаго Правительствующаго Духовнаго Синода прошу отъ оныхъ дѣлъ быть мнѣ уволену, дабы мнѣ отъ недознанія моего не прійти подѣ каковое подо-

зрѣніе» (1). Если же Антоній, хотя онъ считался и довѣреннымъ лицомъ Святѣйшаго Синода, былъ, по его словамъ; «человѣкъ не приказный и приказнаго регула не зналъ», дѣлъ раскольническихъ не понималъ, «особливой инструкціи», какъ вести эти дѣла, не имѣлъ (2), и «отправлялъ оныя», какъ могъ; то нужно ли удивляться тому, что въ донесеніи Святѣйшему Синоду объ исполненіи имъ указа о «новопечатной присягѣ» (т. е. чина 1720 года), полученной имъ еще въ 1720 году (3), онъ допустилъ ошибку и выразился не точно, несогласно съ смысломъ присяги, когда извѣстно, что онъ не умѣлъ порядочно составить донесенія даже по менѣе важнымъ предметамъ (4), и справедливо ли, на основаніи его словъ, думать, будто бы онъ требовалъ отъ присоединяющихся къ церкви раскольниковъ, чтобы они проклинали *двуперстіе* и проч., когда, по самому ходу дѣла, все должно было ограничиваться только тѣмъ, чтобы присоединяющій спрашивалъ, а присоединяемый отвѣчалъ буквально по чину—то, что было въ немъ напечатано (5).

Но г. Филипповъ не ограничивается тѣмъ, что, на основаніи неправильнаго выраженія Антонія, гависѣвшаго,—скажу словами того времени, — «знатко отъ подъяческой неосторожности», весьма естествен-

(1) Полн. собр. пост. и распор. по вѣдом. прав. исповѣданія, т. 1, № 286; свес. № 214 и т. 2, № 365.

(2) Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, т. 1, стр. 522.

(3) Пол. С. П. т. 1, № 283.

(4) Пол. С. П. т. 1, № 78.

(5) Стоитъ замѣтить, что, вслѣдствіе приказной неумѣлости Антонія и постоянныхъ жалобъ его Синоду на трудность править дѣла, былъ уничтоженъ въ 1724 году самый Приказъ церковныхъ дѣлъ Опис., стр. 643—7).

ной въ человѣкѣ, незнавшемъ «приказнаго регула» и не понимавшемъ хорошо раскола, взводитъ на него обвиненіе въ томъ, будтобы Антоній, вопреки ясному смыслу чина, требовалъ отъ присоединявшихся къ церкви раскольниковъ, чтобы они «проклинали *всѣ*, содержи-
мые иши, особенности до-никоновскаго обряда»; онъ утверждаетъ еще, что и Святѣйшій Синодъ въ томъ же смыслѣ разумѣлъ чинъ 1720 года. Изъ чего это видно? Изъ того, что Синодъ не сдѣлалъ Антонію замѣчанія за его неправильное выраженіе, или, по выраженію адвоката г. Филиппова, «не подвергъ его какому нибудь явному взысканію», не исправилъ его ошибки, не остановилъ неумѣренной ревности своего довѣреннаго и не предписалъ ему—не требовать отъ раскольниковъ, обращающихся къ церкви, произнесенія клятвы на двуперстіе и другія особенности до-никоновскаго обряда... Скажу откровенно: по моему мнѣнію, г. Филипповъ—слишкомъ строгъ. Дѣлать замѣчаніе, или даже подвергать взысканію (какъ бы ни была щедра власть того времени на наказанія за самыя пустыя нарушенія ея требованій) подъячачаго, который самъ писалъ Синоду, что онъ — «человѣкъ не приказный» и «приказнаго регула не знаетъ», который, не смотря на это, «ниоткуда» не имѣлъ для своихъ дѣйствій, въ качествѣ судьи Приказа церковныхъ дѣлъ, «особливой инструкціи» и «отправлялъ оныя елико могъ», который для того, «дабы отъ недознанія своего» не допустить «каковаго погрѣшенія въ рѣшеніи», просилъ себѣ у Синода помощниковъ, а въ случаѣ отказа просилъ даже увольненія отъ должности судьи,—дѣлать замѣчаніе такому человѣку за его невольныя ошибки значило бы, по моему мнѣ-

нію, быть не только правдивымъ вельми, что уже не хорошо, но даже совершенно несправедливымъ, что уже неприлично Синоду. Можно пожалѣть о томъ, что Синодъ, въ первую пору своего существованія, вынужденъ былъ, по разнымъ обстоятельствамъ, брать къ себѣ на службу людей почти только неспособныхъ, находившихся «не удѣлъ» въ другихъ вѣдомствахъ ⁽¹⁾, но едва ли справедливо осуждать его за то, что онъ не преслѣдовалъ каждой «подъяческой неосторожности» своихъ неумѣлыхъ чиновниковъ, изъ которыхъ инныя доходили до смѣшнаго ⁽²⁾; еще болѣе несправедливо, по моему мнѣнію, въ ошибкахъ неумѣлыхъ чиновниковъ, оставленныхъ Синодомъ безъ замѣчанія, видѣть основаніе — къ заключенію, будто бы и Синодъ былъ солидаренъ въ этихъ ошибкахъ съ своими довѣренными. Если же Святѣйшій Синодъ не счелъ нужнымъ исправить ошибку Антонія, то — не потому, что дѣло касалось «не знатнаго чина персонъ», а большею частію людей изъ простаго (подлаго) народа, какъ думаетъ адвокат г. Филиппова, но потому, что ошибка эта не вела на практикѣ ни къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ для дѣла. Синодъ зналъ, что въ «новопечатной присягѣ» находилось проклятiе не на содержимыя раскольниками обрядовыя особенности, а на читателей стараго обряда, хулившихъ обряды православія; зналъ онъ и то, что вся роль Антонія, а равно и всякаго другаго, по исполненію указа о «новопечатной присягѣ» состояла только въ томъ, чтобы спросить присоединяющагося къ церкви раскольника и получить отъ него въ отвѣтъ —

(1) Опис. докум. I, стр. 73-5.

(2) Пол. С. II, стр. 306.

дословно то, что было напечатано въ чинѣ, или, по выраженію одного донесенія Приказа церковныхъ дѣлъ, «прочитать присягу» (1), и потому, понимая, что Антоній не могъ требовать отъ раскольниковъ того, чего не было въ самомъ чинѣ, видѣлъ въ словахъ его одно только неумѣнье судьи Приказа церковныхъ дѣлъ — правильно выражаться, ошибку его не⁴ по существу, а по формѣ, зависѣвшую не отъ «ревности неумѣренной», а отъ простаго «недознанія», въ которомъ Антоній такъ наивно самъ сознавался, — ошибку, не стоившую исправленія, такъ какъ замѣчаніе Синода не исправило бы самого Антонія, или вѣрнѣе: его незнанія «приказной регулы». Только въ томъ случаѣ, еслибы Антоній, въ дѣлѣ присоединенія раскольниковъ къ церкви, руководствовался не готовымъ печатнымъ чиномъ, а своимъ собственнымъ умомъ, молчаніе Синода, по поводу его донесенія о томъ, что раскольники готовы проклинать всѣ свои прелести, кромѣ двуперстнаго сложенія, можно было бы понимать въ томъ смыслѣ, что и церковная власть раздѣляла взглядъ на особенности до-никоновскаго обряда своего довѣреннаго.

И однакоже г. Филипповъ не только настаиваетъ на томъ, будто бы, и по мысли Синода, чинъ 1720 г. требовалъ отъ присоединяющихся къ церкви раскольниковъ проклятія на содержимые ими обряды, но говоритъ еще, что Синодъ «пошелъ далѣе Антонія».

(1) Пол. С. К. II, стр. 125; хотя, какъ видно, Антоній не вполне доволенъ былъ такою пассивною ролью и предлагалъ Синоду требовать отъ обращающихся къ церкви раскольниковъ письменныхъ отвѣтовъ по пунктамъ, форму которыхъ представилъ Синоду при доношеніи отъ 17 окт. 1721 года, на что однако же не послѣдовало никакого рѣшенія (Опис. док. и дѣлъ, т. I, стр. 182—3).

«Антоній, говоритъ г. Филипповъ, еще думалъ, что люди, которые во всемъ прочемъ исполняютъ волю церковной власти безпрекословно и только просятъ разрѣшить имъ употребленіе двуперстія, могли бы, по разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, быть приняты въ общеніе церкви, но Святѣйшій Синодъ призналъ это невозможнымъ и отвѣчалъ Антонію, чтобы онъ ихъ продолжалъ увѣщевать и склонять къ перемѣнѣ перстосложенія и только тогда принялъ бы ихъ въ общеніе, когда его увѣщанія подѣйствуютъ, т. е. когда увѣщаемые примутъ сложеніе треперстное». Вотъ образчикъ того, до чего можетъ доводить человека предвзятая мысль! Синодъ, на вопросъ Антонія, какъ поступать ему съ раскольниками, которые не проклинаятъ двуперстнаго сложенія, не только ни однимъ словомъ не указываетъ Антонію на необходимость требовать такого проклятія, но напротивъ предписываетъ ему только увѣщевать непослушныхъ перемѣнить двуперстіе на троеперстіе, а г. Филипповъ, на основаніи такого дѣйствія Синода, старается увѣрить всѣхъ и cadaго, будтобы Синодъ не только понималъ чинъ 1720 года согласно съ Антоніемъ, т. е. считалъ нужнымъ требовать отъ присоединяющихся къ церкви раскольниковъ произнесенія клятвы на двуперстіе и другія особенности до-иконовскаго обряда, но даже пошелъ въ этомъ направленіи далѣе Антонія. Что же касается того, почему Синодъ требовалъ отъ обращающихся къ церкви раскольниковъ, чтобы они оставили свое двуперстіе, и только при этомъ условіи находилъ возможнымъ принимать ихъ въ лоно святой церкви и сподоблять причащенія, то это видно изъ «увѣщательныхъ пунктовъ», которые

были посланы Синодомъ Антонію и о которыхъ я уже говорилъ 25 февраля подробно. Въ настоящій разъ я приведу только слѣдующія слова этихъ пунктовъ, опущенныя г. Филипповымъ: «спросить приходящаго отъ раскола, о треперстномъ сложеніи сумнящагося: како онъ о нашемъ и о своемъ сложеніи разумѣетъ: средняя ли вещь есть, или догматъ? Аще догматомъ наречетъ, то долженъ доказать свое мнѣніе отъ священнаго писанія, вѣтхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ книгъ, тако же отъ важныхъ соборовъ, или отъ преданій древнихъ, т. е. отъ согласія многихъ древнихъ учителей, чего онъ и никтоже иный въ вѣки не докажетъ. Если же наречетъ вещь среднюю, то да утвердитъ слово свое клятвою. И тогда вопрошитъ его: чесо ради не хочетъ сложенія своего переставитъ? Аще бо вещь есть средняя, то нѣтъ никакой важной причины, для чего оную непремѣнну содержать, кромѣ единого упрямства. Упрямствомъ же тымъ противится согласію церковному, оставляетъ на себѣ зазорный образъ, соблазняетъ ближнихъ своихъ и законнымъ властемъ и духовному правительству непокоривъ является, и развѣ самъ, противъ совѣсти своей, вещь среднюю изъ среды извлекаетъ и самоволіемъ въ догматъ ставитъ, и тако явно еретичествуетъ. А о церковномъ разумѣніи сіе сказать ему, что церковь святая кій либо образъ перстнаго сложенія имѣла и имѣетъ (какъ это напоминаетъ слова патріарха Павсія) за вещь среднюю, но раскольникомъ противится за тое, что они образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догматъ вѣры, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видать, ставятъ въ ересь, и уже свой сложенія образъ сдѣлали

злымъ, не аки бы онъ самъ собою золь былъ, но яко не покоривой, злой, немиролюбной и гордо еретическую совѣсти ихъ свидѣтель есть. И того ради, аще кто образъ сложенія раскольникаго перемѣнити не похощеть, мощно знать, что онъ безотвѣтно упрямъ и непокоривъ пребываетъ и не съ доброю совѣстію, но лукаво, лицемѣрно и коварно приходитъ къ церковному соединенію» (1). Г. Филипповъ, на основаніи «увѣщательныхъ пунктовъ» Синода, въ которыхъ находятся и сейчасъ приведенныя мною слова, утверждаетъ и въ первомъ своемъ чтеніи и въ объясненіяхъ своихъ 18 марта, будто бы Синодъ время Петра I не допускалъ раскольниковъ до церковнаго соединенія собственно изъ-за содержаемаго ими двуперстія, съ которымъ они не хотѣли разстаться; я, напротивъ, утверждалъ (25 февраля) и утверждаю, что, по смыслу увѣщательныхъ пунктовъ, двуперстіе, равно какъ и троеперстіе суть вещи среднія, «которыя къ благочестію ниже нужная суть, ниже вредная», и что если Св. Синодъ осуждалъ употребленіе его раскольниками, то единственно потому, что видѣлъ въ немъ символъ противленія старообрядцевъ церковной власти, свидѣтельствовавшей о томъ, что они не искренно желали общенія съ церковію. Который изъ этихъ двухъ выводовъ вѣрише, объ этомъ предоставляю судить Вамъ, милостивые государи (2); съ своей стороны, считаю

(1) Полн. собр. постан. т. I, стр. 150.

(2) Если бы г. Филипповъ желалъ узнать точный смыслъ «увѣщательныхъ пунктовъ», составленныхъ по поводу извѣстнаго донесенія Антонія, и истинный взглядъ Св. Синода на двуперстіе—во времена Петра I, въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы обратиться не къ донесеніямъ Антонія, который, владѣя кое-какимъ образованіемъ, получен-

нужнымъ замѣтить только слѣдующее: мысль г. Филиппова, будто бы «для Св. Синода совершенно достаточно было знать, что человекъ крестится двуперстіемъ и измѣнить этого обряда не соглашается, чтобы считать его раскольниковъ», при чемъ, Си-

нимъ за прилавою (Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, т. I, стр. 768), и не отличаясь знаніемъ «приказнаго регула», былъ въ то же время не свободенъ отъ подозрѣнія въ нотаковничествѣ расколу и даже въ искусствѣ—составлять фальшивыя бумаги—въ пользу раскольниковъ (тамъ же стр. 345, снес. стр. CCLXVI VII), а къ сочиненію Θεοφιλάкта Лопатинскаго, объ умѣ и особенно о нравственномъ характерѣ котораго современники, русскіе и иностранцы, отзывались съ величайшимъ почтеніемъ, (Θεοφ. Прокоп и его время, И. А. Чистовича, стр. 670—1), которому вѣстѣ съ Антоніемъ посланы были для руководства «увѣщательныя пункты» (Опис. докум. и дѣлъ I, стр. 393) и который, какъ совѣтникъ Синода, завѣдывавшій конторою раскольниковъ дѣлъ (Поли. собр. пост. по вѣд. прав. исповѣд. т. II, стр. 93; Опис. докум. и дѣлъ I, стр. 345), и затѣмъ второй вице-президентъ его (Θεοφ. Прокоп. и его время, стр. 92 и 188), безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ Антоній, зналъ распоряженія Синода и смыслъ ихъ. А Θεοφιλάктъ въ своемъ «Обличеніи неправды раскольниковской», писанномъ по порученію Синода, разсмотрѣнномъ и одобренномъ имъ (Опис. док. и дѣлъ I, стр. 482—3; Собр. постанов. по ч. раск. I, стр. 446), говорилъ о двуперстіи слѣдующее: «якоже пречистую Дѣву Марію, рождшую Христа Бога нашего, возможно бы и истинно не токмо Богородицею, но и Христородицею нарицати. Обаче св. Іоанвъ Дамаскитъ, увидѣвъ, что несторіане приснодѣву Марію нарицающіи Христородицею, а не хотящіи Богородицею нарицати, ядъ свой еретическій симъ именемъ защищають, аки бы Богородица инаго Христа родила, а не того, иже есть Богъ Слово, рече, Христородицу же никако глаголемъ святую Дѣву.... Тако и церковь православная, видя, что раскольники свое двуперстное знаменіе въ великій догматъ вѣры, а треперстное въ ересь ставящій, и раздоръ церкви святѣй дѣлають, и хулятъ ю, и многія души кровію Христовою искупленныя въ пагубу привести тщатся, и хоти вся чада своя въ единомысліе привести, праведно суевѣрное двухъ перстовъ сложеніе, раздора и яныхъ безчисленныхъ злодѣй и мятешей виновное, отметаеъ и поборствующихъ о немъ анаемѣ предаеъ»,—хотя выше Θεοφιλάктъ прямо замѣчалъ, что если бы раскольники не хулили безмѣрно церкви православной, считающей ихъ взглядъ на двуперстіе, какъ на догматъ, неправильнымъ, и не смотрѣли на нее, какъ на лишнюю всякой святости, они «не были бы клятвы достойны и раскольниковскаго имени» (Облич. гл. 1, разс. 6, л. 21—2).

нодь «находилъ совершенно излишнимъ вникать ближе въ личное настроеніе лицъ, не оставляющихъ двуперстія»,—мысль, которую г. Филипповъ выводитъ изъ увѣщательныхъ пунктовъ, посланныхъ Антонію, совершенно несправедлива; въ «пунктахъ» рѣчь идетъ не вообще о двуперстникахъ, что утверждаетъ г. Филипповъ, а только о раскольникахъ, изъявлявшихъ желаніе присоединиться къ церкви, но не хотѣвшихъ, не смотря ни на какія увѣщанія, оставить своего двуперстія и перемѣнить его на троеперстіе, что уже само собою опредѣляло личное настроеніе и отношеніе ихъ къ церкви и обрядамъ православія, показывая въ нихъ людей, которые «образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догматъ, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видятъ, ставятъ въ ересь» (1). Судь Синода о дву-

(1) Г. Филипповъ дѣлаетъ изъ «увѣщательныхъ пунктовъ» Синода и другіе неправильные выводы; такъ, напримѣръ, на основаніи словъ: «когда законная власть отставляетъ или перемѣняетъ нѣчто среднее (т. е. обрядъ), должны суть подчиненныя и тому не противиться: среднія бо вещи не самыя собою сильныя суть, но отъ воли властей законныхъ имѣютъ силу», онъ дѣлаетъ заключеніе, будто бы, по мысли Синода, «самое качество обряда, или самый смыслъ его зависятъ отъ усмотрѣнія власти»; между тѣмъ какъ «увѣщательные пункты» говорить только о томъ, что употребленіе обряда вѣрующими въ данное время зависитъ не отъ того, что онъ православенъ, или націоналенъ, но отъ воли властей законныхъ, и что обрядъ даже и православный долженъ быть оставленъ христіанами, если законная власть, по какимъ либо обстоятельствамъ, потребуетъ того. Впрочемъ, если бы и согласился, что въ приведенныхъ словахъ «пунктовъ» заключается та мысль, что «самое качество обряда, или самый смыслъ его зависятъ отъ усмотрѣнія власти», разве такая мысль несправедлива? Надѣюсь, г. Филипповъ не станетъ спорить, что право какъ вводить вновь обряды, такъ и «отставлять» прежде существовавшіе въ употребленіи, принадлежитъ не всякому человеку, «повеже отъ сего произошло бы смущеніе, и человекъ простой, но гордый, среднихъ вещей разсуждать не искусный, вмѣсто средняго внесъ бы нѣчто худое, или отставилъ бы доброе и закономъ Божиимъ повелѣнное», но что «устанавливать и отстав-

перстникахъ вообще послѣдовалъ уже въ 1722 году, по поводу новаго донесенія Антонія, отъ 9 февраля 1722 года, въ которомъ судія Приказа церковныхъ дѣлъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «отъ простыхъ и грубыхъ мнози обращаются ко святой церкви общенію и вся таинства приемятъ, токмо за неразуміе свое предпріятіемъ обычая боязнію одержими, тремя первыми персты не крестятся, а мудрованія въ противномъ сложеніи перстномъ никакого не показываютъ; а другіе также вся таинства церковныя приемятъ же, и противное сложеніе перстовъ мнятъ быти за нѣкій главный свой мнимый догматъ; отъ сихъ обонхъ за мнимый ихъ великій догматъ по церкви же православной обычаемъ содержимый, аще яко сущихъ раскольщиковъ отъ церкви отлучати, то отлучатся чрезъ сіе Богомъ преданныхъ спасительныхъ пресвятыхъ седми церковныхъ таинствъ» (1). На это недоумѣніе Антонія, какъ

дальше средняя имѣютъ власть» только «власти, духовные пастыри, соборы, или соборныя правительства». А если такъ, то понятно, что и самый смыслъ вновь вводимаго обряда зависить отъ тѣхъ же властей, которымъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, т. е. власть, по своему усмотрѣнію, даетъ обряду тотъ, а не иной смыслъ. Такъ, напримѣръ, когда въ первыя времена христіанской церкви пастыри церкви поучали вѣрующихъ креститься однимъ перстомъ, они дали этому сложенію и особое значеніе, поучая однимъ перстомъ исповѣдывать единство Божества—противъ многобожія язычниковъ; вполнѣдствіи времени отцы церкви стали поучать вѣрующихъ креститься перстами, и именно—тремя первыми, видѣть сложенными,—для означенія или единства трехъ лицъ Божества—противъ Арія, отвергавшаго Божество Сына Божія и т. д. А когда одноперстіе усвоено было еретиками-моноизитами—для означенія одного естества въ І. Христѣ, этотъ обрядъ былъ церковною властію изъятъ изъ употребленія, какъ неправославный, и подвѣнныя должны были оставить его, хотя они знали, что одноперстіе употреблялось въ самыя первыя времена христіанства и составляло въ то время совершенно православный обрядъ.

(1) Пол. С. П. II, стр. 104—5.

извѣстно, послѣдовала резолюція Синода такова: «которые хотя святѣй церкви повинуются и вся церковныя таинства приѣмлютъ, но крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не треперстнымъ сложениемъ, тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невѣжеству, но отъ упорства творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что» (1). Это распоряженіе Синода, по которому, какъ это очевидно всякому, каждый, крестившійся двумя перстами, хотя бы онъ во всемъ прочемъ повиновался церкви и даже принималъ всѣ ея таинства, причислялся къ раскольникамъ, я объяснялъ 25 февраля слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій синодскаго указа, послѣдовавшаго по тому же самому вопросу въ 1724 году, я сдѣлалъ предположеніе: не было ли первоначальнаго распоряженія относительно записи въ расколъ всѣхъ, употребляющихъ двуперстіе, со стороны свѣтской власти, хотя откровенно сознался, что не знаю такого указа, — и нельзя ли по этому на вышеприведенное распоряженіе Синода смотрѣть, какъ на такое, которое сдѣлано имъ подъ вліяніемъ свѣтской власти; за тѣмъ, во 2-хъ, не придавая предположенію своему особеннаго значенія, я старался объяснить взглядъ Синода на двуперстіе, высказанный имъ въ указѣ 1722 года, если не прямымъ, такъ по крайней мѣрѣ косвеннымъ вліяніемъ свѣтской же власти, при чемъ обратилъ Ваше вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Петръ I по своимъ финансовымъ расчетамъ рѣшился обложить раскольниковъ двойнымъ окладомъ; и такъ какъ двойной окладъ

(1) Тамъ же, стр. 107.

могъ дать Петру довольно большую сумму денегъ, то онъ употреблялъ всевозможныя средства къ тому, чтобы никто изъ раскольниковъ не уклонялся отъ платежа двойнаго оклада, преслѣдуя, такъ называемыхъ, тайныхъ раскольниковъ безпощадно. Между тѣмъ многіе раскольники, не желая по своимъ причинамъ платить двойнаго оклада и въ тоже время опасаясь за это «гражданскаго безъ милосердія» (1) наказанія, рѣшились притворно присоединиться къ церкви. Чтобы затруднить лицемѣрное обращеніе къ церкви раскольниковъ, Петръ приказываетъ издать въ 1720 году особый *чинъ*; по которому присоединяемые къ церкви, во свидѣтельство искренности своего обращенія, должны были проклинать «вся ереси и отступства и злохуленія» раскольничьи на церковь и ея обряды. Вслѣдствіе этого, одни изъ раскольниковъ вздумали подкупать, хотя и безуспѣшно, тѣхъ, кому поручено было наблюдать за присоединеніемъ ихъ къ церкви, чтобы они, «не читавъ присяги», освобождали ихъ «по ихъ зломудрію» на волю (2);— другіе, не надѣясь на успѣхъ подкупа, рѣшились, какъ писалъ Антоній, «новопечатную присягу по указу исполнить», въ надеждѣ загладить такой грѣхъ епитимією и поклонами, по указанію расколоучителей, только никакъ не могли оставить своего двуперстія, за несоблюденіе котораго въ древнихъ книгахъ изрекалось проклятіе; причемъ, чтобы замаскировать свое расколичество, указывали, быть можетъ, на основаніи «увѣщательныхъ пунктовъ» Синода, на то, что двуперстіе—вещь не важная (3). и

(1) Собр. пост. I, стр. 2.

(2) Пол. С. II, II, № 473.

(3) Пол. С. II, II, стр. 101--2.

слѣдовательно не должно считаться серьезнымъ доказательствомъ неискренности обращенія ихъ къ церкви, хотя сами потому и не принимали троеперстія, что считали его ересью и печатью антихристовою. Чтобы положить конецъ такому укрывательству раскольниковъ «подъ одеждою благочестія», Св. Синодъ и постановилъ 1722 года — считать раскольникомъ и писать въ двойной окладъ всякаго, кто крестился двумя перстами, хотя бы онъ лицемѣрно выдавалъ себя за православнаго, и постановилъ, по моему мнѣнію, въ цѣляхъ правительства свѣтскаго, т. е. для того, чтобы отнять у раскольниковъ возможность уклоняться «подъ видомъ православія» отъ платежа двойнаго оклада, наложеннаго на раскольниковъ свѣтскою властію. При этомъ я не скрылъ и того, что, вслѣдствіе распоряженія Синода 1722 г. о записи въ расколъ и въ двойной окладъ всякаго, кто крестился двумя перстами, направленнаго противъ, такъ называемыхъ, потаенныхъ раскольниковъ, могли попадать въ раскольничій списокъ и двуперстники, вполне православные по своимъ убѣжденіямъ.

За такое объясненіе синодскаго распоряженія 1722 года о двуперстникахъ я дорого заплатился. Г. Филипповъ, — говорю объ этомъ съ глубокою грустію, — по свойственной ему склонности къ народнымъ присловьямъ, сравнилъ меня, какъ значится въ печатныхъ протоколахъ нашего Общества, «съ дядей Акимомъ, искавшимъ своихъ рукавицъ, которыя были у него за поясомъ».

За что же однако такая немилость? За то, что, допустивъ, на основаніи синодскаго указа отъ 21 октября 1724 г., предположеніе о томъ, не было ли

предварительнаго указа 15 мая 1722 г. распоряженія о записи въ расколъ всѣхъ, крестившихся двумя перстами, со стороны свѣтской власти, и въ тоже время сознался, что такого указа *не знаю*, между тѣмъ какъ «указъ Его Величества, о которомъ безъ означенія года и числа упоминается въ указѣ 21 октября 1724 г., и есть тотъ самый указъ отъ 15 мая 1722 года», на который ссылался г. Филипповъ въ своемъ чтеніи 18 января и изъ котораго, по словамъ адвоката его, я, вслѣдъ за г. Филипповымъ, приводилъ 25 февраля 11 пунктъ, составляющій предметъ нашего состязанія.

Отъ чего же произошла такая оплошность съ моей стороны, что я не замѣтилъ указа, который былъ такъ нуженъ для моихъ цѣлей, или вѣрнѣе: указъ Его Императорскаго Величества принялъ за указъ Синода? «Все дѣло въ томъ, говоритъ, обращаясь ко мнѣ, адвокатъ г. Филиппова въ слѣдъ за своимъ клиентомъ, что вы не любите читать памятники, на которые ссылаетесь, отъ начала до конца, а пользуетесь въ нихъ тѣми или другими страницами, а иногда и строчками, въ которыхъ думаете найти подтвержденіе своей мысли, не помышляя при этомъ, по свойственной вамъ безопасности, что въ недочитанныхъ вами листахъ и страницахъ тѣхъ же самыхъ источниковъ можетъ открыться полнѣйшее опроверженіе вашихъ, наскоро составленныхъ, предположеній. Скажемъ вамъ откровенно, что такой приѣмъ во все недостоинъ истиннаго ученаго,⁴ и онъ васъ до добра не доведетъ... Приводитъ г. Филипповъ указъ 15 мая 1722 года, — документъ, который, какъ вы сами сознались, долгое время смущалъ васъ самихъ

своимъ противорѣчіемъ вашей предвзятой мысли и который, слѣдовательно, заслуживалъ вашего особеннаго вниманія... и этой-то важности историческій памятникъ вы не позаботились прочесть до конца! А если бы вы потрудились его дочитать, какъ и были обязаны сдѣлать, по крайней мѣрѣ собираясь въ засѣданіе общества 25 февраля, то вы встрѣтились бы тамъ съ пунктомъ 28, въ которомъ сказано: «архіереямъ и духовнымъ управителямъ, по сему (15 мая 1722 г.) (1) Его Императорскаго Величества указу, оное синодальное опредѣленіе (28 февраля 1722 г.) въ своемъ вѣдомствѣ дѣйствительно исполнять непременно». Этотъ самый указъ Его Императорскаго Величества, коимъ утверждено предварительное опредѣленіе Святѣйшаго Синода 28 февраля 1722 г., вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіемъ и цитированъ въ указѣ 21 октября 1724 г.; ибо и въ указѣ Государя, и въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, выражено было одними и тѣми же словами, чтобы всякаго рода дуперстниковъ, даже повинующихся св. церкви и всея таинства приѣмлющихъ, «писать въ расколъ, не взирая ни на что». Итакъ, если бы вы прочли до конца постановленіе 15 мая 1722 г., то вамъ и не нужно было бы ставить своего празднаго вопроса: «не было ли предъ этимъ указомъ первоначальнаго распоряженія свѣтской власти»; ибо вы увидѣли бы сами, что этотъ-то указъ и есть распоряженіе свѣтской власти, но только не первоначальное, а послѣ-

(1) Слово, поставленныхъ въ скобкахъ, т. е. 15 мая 1722 года и 28 февраля 1722 г., нѣтъ въ указѣ; они внесены адвокатомъ г. Филипповымъ для того, чтобы придать сдѣланному имъ открытію больше вѣроятности.

дующее и утверждающее своею силою предварительное опредѣленіе одной духовной власти, состоявшееся за два мѣсяца съ половиною... Вы въ заглавіи прочли, что это указъ Святѣйшаго Синода, да на этомъ и успокоились», — язвительно заключаетъ рѣчь свою адвокатъ г. Филиппова.

Еслибы и дѣйствительно указъ 15 мая 1722 года былъ именно указъ не Синода, а Его Императорскаго Величества, въ незнаніи котораго я откровенно сознался, и въ такомъ случаѣ г. Филиппову и его адвокату не слѣдовало бы, по долгу правды, такъ жестоко нападать на меня. Самъ г. Филипповъ въ своемъ чтеніи 18 января указъ 15 мая 1722 года прямо называлъ указомъ Святѣйшаго Синода и только уже 28 марта окрестилъ его именемъ указа Его Императорскаго Величества. Значить, и онъ, собираясь сообщить въ засѣданіи 18 января свои новыя взгляды на расколъ и единовѣріе, имѣлъ безпечность не дочитать указа до конца, повѣрилъ заглавію его, да на томъ и успокоился.

Но что же будетъ, если сдѣланное г. Филипповымъ открытіе окажется пуфомъ, и я докажу, что указъ 15 мая 1722 года, о которомъ у насъ идетъ споръ, не составляетъ произведенія свѣтской власти? Тогда всѣ насмѣшки надо мной какъ г. Филиппова, такъ и его адвоката, по необходимости должны обрушиться на ихъ собственныя затѣйливыя головы. А доказать, что, отнеся указъ 15 мая къ числу указовъ Его Императорскаго Величества, г. Филипповъ ошибся, очень не трудно. На чемъ основываетъ онъ свое мнѣніе? На слѣдующихъ заключительныхъ словахъ указа: «по *сему* Его Императорскаго Величества ука-

зу, оное синодальное опредѣленіе... исполнять непремѣнно». Но развѣ этихъ словъ достаточно для того, чтобы не вѣрить заглавію указа, какое дано ему и въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ и въ Полномъ собраніи законовъ и въ которомъ онъ называется синодскимъ? Развѣ г. Филиппову, нѣкогда служившему въ духовномъ вѣдомствѣ, неизвѣстно, что Святѣйшій Синодъ, какъ и всякія другія присутственныя учрежденія, съ первыхъ дней своего существованія и до нашего времени, всѣ свои указы имѣеть право называть и на самомъ дѣлѣ называетъ указами Его Императорскаго Величества? Развѣ г. Филипповъ, рекомендующій мнѣ читать памятники со вниманіемъ и притомъ непремѣнно до конца, не замѣтилъ, что приведенными имъ словами указъ 15 мая 1722 г. еще не заканчивается, что послѣ нихъ есть еще другія слова, совершенно неумѣстныя въ Высочайшемъ указѣ и весьма естественныя въ указѣ Синода, а именно: «и о исполненіи того прислать въ Святѣйшій Синодъ обстоятельныя донесенія безъ умедленія»? Наконецъ, неужели г. Филиппову неизвѣстно, что во времена Петра I синодскіе указы утверждались Высочайшею властію не такъ, какъ это дѣлается нынѣ, именно, что въ то время Синодъ докладывалъ Государю свои пункты о разныхъ предметахъ отдѣльно одинъ отъ другаго, а Государь на каждый изъ доложенныхъ ему пунктовъ клалъ свои резолюціи также отдѣльно? Гдѣ же такія резолюціи Петра I на отдѣльные пункты указа 15 мая? Правда, по изданію постановленій Синода, сдѣланному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которымъ собственно и пользовался г. Филипповъ въ своихъ открытіяхъ,

эта особенность не резко бросается въ глаза; но раз-
въ г. Филипповъ не знаетъ, что кромя «Собранія по-
становленій по части раскола, состоявшихся по вѣ-
домству Святѣйшаго Синода», изданнаго министер-
ствомъ внутреннихъ дѣлъ, есть еще, не говоря о пол-
номъ собраніи законовъ россійской имперіи, другое
«Полное собраніе постановленій и распоряженій по
вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской им-
періи», въ которомъ указы Святѣйшаго Синода по-
мѣщены не отрывочно, какъ сдѣлано это въ изданіи
министерства, а въ цѣломъ видѣ, и изъ котораго яс-
но видно не только то, какъ синодскіе докладные
пункты утверждались Высочайшею властію, но даже
и то, какіе именно вопросы Синодъ временъ Петра I
считалъ нужнымъ представлять на утвержденіе Госу-
даря? А г. Филиппову, рѣшившемуся, вопреки обще-
принятому мнѣнію, указъ 15 мая 1722 г. считать
указомъ Его Императорскаго Величества, по моему
мнѣнію, такъ и слѣдовало бы поступить, т. е., не
ограничиваясь однимъ министерскимъ изданіемъ по-
становленій Синода, справиться съ другими изданіи-
ми тѣхъ же постановленій; тогда, я увѣренъ, онъ ос-
тался бы при своемъ прежнемъ взглядѣ на указъ 15
мая 1722 г., какъ указъ синодскій, или, по крайней
мѣрѣ, не назвалъ бы его прямо и рѣшительно ука-
зомъ Его Императорскаго Величества, которымъ буд-
то бы только «скрѣплено и Высочайше утверждено
предварительно—именно 28 февраля того же года со-
стоявшееся *совершенно тождественное* опредѣленіе
Святѣйшаго Синода, вслѣдствіе чего это опредѣленіе
и упоминается постоянно совмѣстно съ указомъ *Его
Императорскаго Величества 15 мая 1722 г.*» Тутъ,

скажу словами самого г. Филиппова, что ни слово, то ошибка. И во 1-хъ, указъ, помѣченный 15 мая 1722 г. и въ Полномъ собраніи законовъ и въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, не составляетъ, какъ я послѣ докажу, отдѣльнаго отъ опредѣленія Синода, состоявшагося 28 февраля тогоже года, указа, а есть именно это самое опредѣленіе; во 2-хъ, еслибы и допустить (на основаніи разныхъ чиселъ мѣсяца), что указъ 15 мая есть особый указъ, только утвердившій опредѣленіе Синода отъ 28 февраля, и въ такомъ случаѣ г. Филипповъ не имѣлъ права сказать, что имъ скрѣплено и утверждено *совершенно тождественное опредѣленіе Св. Синода 28 февраля*. Достаточно простаго сличенія указа 15 мая (по какому угодно изданію) съ опредѣленіемъ Синода 28 февраля, какъ оно издано во II-мъ томѣ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія» (1), чтобы видѣть, что между ними нѣтъ «совершеннаго тождества». Такъ напр., какому пункту указа 15 мая могутъ соотвѣтствовать слѣдующія слова (по 28 пункту) синодскаго опредѣленія 28 февраля: «записнымъ раскольщикомъ усмотрѣно приличное званію ихъ носить платье самое старинное долгое, съ долгимъ ожерельемъ и съ нашивками на грудяхъ по четверти, на бокахъ, на подолѣ прорѣхи съ петлями же, шапку высокую съ прорѣхами и петлями»? Или пусть г. Филипповъ укажетъ мнѣ въ опредѣленіи Св. Синода 28 февраля пункты, соотвѣтствующіе 13, 14 и 15 пунктамъ указа 15 мая,—и я откажусь тогда отъ всякаго съ нимъ спора; въ 3-хъ, несправедлива и послѣдняя мысль г. Филиппова о томъ, будто бы опредѣленіе

(1) № 454.

Синода 28 февраля 1722 года упоминается *постоянно совмѣстно* съ указомъ Его Императорскаго Величества 15 мая 1722 года. Св. Синодъ и послѣ 1722 года не разъ подтверждалъ свое опредѣленіе о записи въ расколъ всѣхъ, крестящихся двумя перстами, и однако же при этомъ не указывалъ на указъ Его Императорскаго Величества 15 мая 1722 г. (1); вѣтъ такого указанія и въ указѣ Синода 21 октября 1724 года и только глухо, безъ числа и года, упоминается указъ Его Императорскаго Величества. Последнее обстоятельство г. Филипповъ объясняетъ тѣмъ, что «всѣмъ было извѣстно», что на опредѣленіе Синода 28 февраля 1722 года «послѣдовалъ одинъ Высочайшій указъ 15 мая» того же года, что «никакого другаго государственнаго указа по этому опредѣленію не было», и слѣдовательно указывать число и годъ не было надобности. Я считаю излишнимъ доказывать всю наивность такого объясненія, и перехожу къ положительнымъ доказательствамъ того, что указъ 15 мая 1722 года, который г. Филипповъ 18 января считалъ синодскимъ, а 28 марта — призналъ указомъ Его Императорскаго Величества, есть дѣйствительно указъ синодскій, и что, слѣдовательно, чтеніе имъ документовъ «непремѣнно до конца», которому онъ и обязанъ своимъ открытіемъ, вмѣсто пользы принесло ему вредъ.

Въ этомъ случаѣ я указываю прежде всего на опредѣленіе Св. Синода 28 февраля 1722 года, какъ оно напечатано въ «Полномъ собраніи постановленій» изданія Св. Синода (2), и прямо утверждаю, что достаточно было г. Филиппову прочитать со вниманіемъ

(1) См., напр., Собр. пост. по ч. раск. т. I, стр. 151.

(2) Томъ II, № 454, стр. 103—8.

одно это опредѣленіе, чтобы убѣдиться въ томъ, что указъ 15 мая того же года не можетъ быть признанъ Высочайшимъ указомъ, только будто бы утвердившимъ означенное опредѣленіе Синода. Въ этомъ опредѣленіи Синодъ, отвѣчая на разные пункты донесенія Антонія, прямо указываетъ, какіе изъ этихъ пунктовъ Синодъ разрѣшаетъ собственною властію и какіе онъ считаетъ нужнымъ «предложить въ докладъ Его Императорскому Величеству, или сообщить на конференцію Сенатскую». Къ числу первыхъ, т. е. подлежащихъ разрѣшенію самого Синода, отнесены имъ всѣ тѣ пункты, которые находятся и въ указѣ 15 мая 1722 года; значить, эти пункты, къ числу которыхъ относится и резолюція Синода о врестящихся двумя перстами, не были и не могли быть представлены на утвержденіе Государю (1), и слѣдовательно далѣе—на указъ 15 мая, въ которомъ только повторены эти пункты, нельзя смотрѣть, какъ на указъ Его Императорскаго Величества. Что же касается тѣхъ пунктовъ, которые, по мнѣнію Синода, требовали Высочайшаго утвержденія, то дѣйствительно одинъ изъ нихъ (объ особомъ платѣ для раскольниковъ) былъ доложенъ Государю, но отдѣльно отъ прочихъ и притомъ раньше 15 мая, и именно 12 апрѣля того же 1722 года, хотя и не удостоился Высочайшей резолюціи (2), вѣроятно, потому, что еще 6 апрѣля послѣдовалъ по этому предмету особый Высочайшій указъ (3); а другой

(1) Тѣмъ болѣе, что одни изъ нихъ касались предметовъ чисто церковныхъ, судъ о которыхъ принадлежитъ исключительно Синоду, другіе основывались на прежде изданныхъ Высочайшихъ указахъ.

(2) Пол. собр. пост. II, № 531, стр. 173, § 4. Снес. Собр. пост. по ч. р. I, стр. 27.

(3) Пол. собр. пост. II, № 523.

(относительно сбора денегъ съ бородачей), вѣроятно, не былъ и доложенъ по той же причинѣ. Такимъ образомъ одного знакомства съ опредѣленіемъ Синода 28 февраля 1722 года, какъ оно издано въ «Полномъ собраніи постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія», было бы достаточно для того, чтобы указъ 15 мая того же года не считать указомъ Его Императорскаго Величества.

Но если бы почтенный противникъ мой обратился къ подлинному дѣлу, въ которомъ находится означенное опредѣленіе, — а мнѣ кажется, что г. Филищовъ, которому, по его словамъ, обязательно сообщены были, по распоряженію г. оберъ-прокурора Св. Синода, дѣла Св. Синода самаго недавняго времени, могъ найти доступъ въ синодскій архивъ еще легче, — тогда онъ окончательно убѣдился бы, что указъ 15 мая 1722 года, въ которомъ, между прочимъ, идетъ рѣчь и о двуперстникахъ, есть указъ синодскій и заключаетъ въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ состоявшееся того же года 28 февраля опредѣленіе Синода. Дѣло въ томъ, что, какъ показываетъ подлинный документъ, въ которомъ содержится указъ 15 мая, резолюціи Синода на разные пункты донесенія архимандрита Антонія отъ 9 февраля послѣдовали 28 февраля. Въ этотъ же день подписано было членами Синода и окончательное опредѣленіе его по этому предмету. Но такъ какъ опредѣленіе 28 февраля, состоявшееся по поводу разныхъ недоумѣній Антонія, было признано Синодомъ «зѣло важнымъ», каково оно и на самомъ дѣлѣ, то и рѣшено было указы объ этомъ опредѣленіи отправить въ Приказъ церковныхъ дѣлъ и во всѣ епархіи къ архіереямъ *печатныя*. И хотя Синодъ постановилъ, что-

бы указы эти были напечатаны въ московской типографіи «въ скорости», о чемъ немедленно и дано было знать синодальному совѣтнику, протектору школь и типографіи, архимандриту Троицкаго Сергіева монастыря Гавріилу; тѣмъ не менѣ печатаніе указовъ шло медленно. Между тѣмъ, пока шла эта переписка и печатаніе указовъ, Синодъ по чему-то счелъ нужнымъ снова пересмотрѣть свое опредѣленіе 28 февраля, кое-что исправилъ въ немъ, кое-что опустилъ (именно тѣ пункты, которые требовали утвержденія Государя) и въ концѣ концовъ составилъ опредѣленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно напечатано въ Полномъ собраніи законовъ и въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ. А когда въ маѣ вышелъ изъ печати указъ, онъ въ концѣ этого мѣсяца и былъ разосланъ повсюду, какъ опредѣленіе Синода, состоявшееся 28 февраля. Какимъ образомъ въ Полномъ собраніи законовъ это опредѣленіе явилось подъ 15-мъ мая, объ этомъ трудно сказать что-либо опредѣленное; быть можетъ, этого числа указъ вышелъ изъ печати. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: указъ, напечатанный въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ подъ 15-мъ мая 1722 года, который г. Филипповъ признаетъ указомъ Его Императорскаго Величества, только подтверждающимъ опредѣленіе Синода 28 февраля того же года, есть указъ не только не Высочайшій, но даже и не отдѣльный отъ синодскаго опредѣленія 28 февраля, и представляетъ собою это самое опредѣленіе Синода, только въ окончательной, послѣдней редакціи (1). Что все, сказанное мною, — суцая правда,

(1) Что же касается заключительныхъ словъ этого указа, на которыя г. Филипповъ ссылается въ подтвержденіе своего взгляда на него,

это можетъ подтвердить Вамъ, м. гг., нашъ достопочтенный сочленъ, подъ редакціей котораго напечатанъ II-й томъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія», гдѣ помѣщено и опредѣленіе Синода 28 февраля 1722 г., напечатанное по первой редакціи, хотя и не безъ пропусковъ.

Такимъ образомъ, открытіе г. Филиппова и его адвоката оказывается неудачнымъ; Высочайшій указъ, найденный ими, на самомъ дѣлѣ указъ синодскій, и слѣдовательно вопросъ мой: «не было ли прежде опредѣленія Синода 28 февраля о записи въ расколъ всѣхъ, крестящихся двумя перстами, распоряженія о томъ же предметѣ со стороны свѣтской власти», является вопросомъ «не празднымъ» и послѣ того, какъ я прочелъ предъ Вами указъ 15 мая 1722 года «до конца». Что же дальше?

Дальше, предоставляя поступокъ г. Филиппова и его адвоката, обозвавшихъ меня разными неслестными именами за то, что я не узналъ въ синодскомъ указѣ 15 мая 1722 года мнимаго указа Его Императорскаго

какъ на указъ Высочайшій, то, какъ показываетъ подлинное дѣло, эти слова суть не болѣе, какъ обыкновенная по тому времени заключительная фраза почти каждаго синодскаго указа, составленная притомъ не самимъ Синодомъ, а кѣмъ либо изъ служившихъ въ немъ знатоковъ «приказнаго регуды», быть можетъ, самимъ Ософаномъ Прокоповичемъ, принимавшимъ, какъ видно изъ дѣла, самое главное участіе въ указанномъ опредѣленіи; эта фраза, помѣщенная отдѣльно (внизу) отъ пунктовъ указа, въ подлинномъ дѣлѣ имѣетъ слѣдующій видъ: «по полученіи сего Императорскаго Величества указа, оное синодское опредѣленіе въ своемъ вѣдомствѣ дѣйствительно исполнять непремѣнно», и замѣняетъ собою слѣдующее выраженіе первоначальной редакціи синодскаго опредѣленія 28 февраля: «я о томъ вышеозначенномъ изъ Св. Правительствующаго Синода въ Приказъ церковныхъ дѣлъ и во всѣ епархіи къ архіереямъ послать Его Императорскаго Величества указы немедленно» (Пол. С. П. II, стр. 108).

Величества, суду ихъ собственной совѣсти, и продол-
жаю рѣчь объ опредѣленіи Синода 28 февр. 1722 г.
и, платя за зло добромъ, самъ рѣшаюсь указать г.
Филиппову путь, идя которымъ, онъ могъ бы, не при-
бѣгая ни къ какимъ измышленіямъ, въ родѣ превра-
щенія синодскаго указа въ Высочайшій, ослабить мое
предположеніе о томъ, не было ли опредѣленіе Си-
нода 28 февраля слѣдствіемъ вліянія на него предва-
рительно состоявшагося распоряженія о двуперстни-
кахъ со стороны свѣтской власти. Дѣло въ томъ, что
если Синодъ съ первыхъ дней своего существованія на-
зывалъ свои указы указами Его Императорскаго Ве-
личества, то выраженіе синодскаго указа 21 окт.
1724 г.: «по содержанію Его Императорскаго Величе-
ства указа и синодальнаго 1722 года февраля 28 дня
опредѣленія» еще не даетъ прямого права думать,
что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ-то особомъ Высочай-
шемъ указѣ, отдѣльномъ отъ синодскаго опредѣленія,
и можетъ содержать въ себѣ одно указаніе на опре-
дѣленіе Синода 28 февраля, которое въ то же время
было и указомъ Его Императорскаго Величества
(т. е. изъ Св. Синода). И если бы г. Филипповъ
сдѣлалъ такое простое замѣчаніе, признаюсь, оно
было бы въ тысячу разъ удачнѣе и разумнѣе всѣхъ
хитроумныхъ его разглагольствій объ указѣ 15 мая,
какъ указѣ Высочайшемъ, хотя и не лишало бы меня
права настаивать на своемъ предположеніи, такъ какъ
оно основано было мною не на одной только неопре-
дѣленной фразѣ указа 21 окт. 1724 г., а на другихъ,
болѣе серьезныхъ данныхъ, о которыхъ отчасти я и
упомянулъ 25 февраля. Въ настоящій разъ прошу по-
зволенія остановиться на этихъ данныхъ съ болѣею
подробностію.

Въ приложеніи ко II тому «Раскольниковыхъ дѣлъ» г. Есипова (да проститъ мнѣ адвокатъ г. Филиппова, что я опять безпокою автора «Раскольниковыхъ дѣлъ» своимъ посѣщеніемъ), подъ № 3, помѣщено письмо лейбъ-гвардіи капитанъ поручика Юрія Ржевскаго на имя императора Петра I, помѣченное 12 февр. 1719 г., въ которомъ Ржевскій писалъ слѣдующее: «прошедшаго 718 года, марта 5 дня, по именному Твоему Царскаго Величества указу велѣно мнѣ въ Балахинскомъ и другихъ уѣздахъ Нижегородской губерніи всѣхъ раскольниковъ, гдѣ они живутъ, какъ мужескъ полъ, такъ и женскъ переписать и переписатьъ положить на нихъ окладъ противо-настоящаго платежа вдвое. А въ именномъ Твоемъ Царскаго Величества указѣ, и въ пунктахъ, каковы мнѣ даны, о воображеніи крестнаго знаменія, *которые по всему церковники*, а воображаютъ себя двумя персты, такихъ къ расколу причитать ли, того не написано, а въ Нижегородской губерніи такихъ обрѣтается многое число, и о томъ я двуперстномъ воображеніи къ Сильвестру митрополиту Нижегородскому писалъ, и противъ того онъ архіерей во объявленіи своемъ такихъ причелъ несогласующимся церкви». Въ томъ же изданіи г. Есипова, подъ № 8, помѣщена докладная записка Питирима, епископа нижегородскаго, поданная имъ Петру I, вѣроятно, въ началѣ 1720 года, когда Питиримъ былъ вызванъ Петромъ въ Петербургъ по дѣлу раскольника Іоны (1); въ этой запискѣ Питиримъ доносилъ Государю, между прочимъ, слѣдующее: «1719 года обратилось отъ расколу три тысячи и

(1) Истор. нижегор. іерарх. арх. Макарія, стр. 74; Есиповъ, т. II, стр. 269.

больше, кромѣ Нижняго и другихъ мѣстъ, и всеѣ крестятся тремя персты. А которые не крестятся тремя персты, не надобно имъ послаблять ради обратившихся, да не ослабѣвають и тѣи, аще ли оныя и по всему церкви повинуются, но за двоеперстное знаменованіе брать съ нихъ штрафъ противъ сущихъ раскольниковъ вполы, а отъ церкви не отлучать всякихъ тайнъ соединеніемъ».

Изъ этихъ данныхъ, кажется, я имѣю право сдѣлать слѣдующій выводъ: до 1719 или даже 20 года лица, крестившіяся двумя перстами, но «по всему прочему» повиновавшіяся церкви, не считались раскольниками,—по крайней мѣрѣ въ нижегородской епархіи; Питиримъ хотя и совѣтовалъ Государю наложить на нихъ штрафъ «за двоеперстное знаменованіе», но не потому, чтобы, при содержаніи ими двуперстія, признавалъ невозможнымъ союзъ ихъ съ церковію,—напротивъ онъ просилъ «отъ церкви не отлучать ихъ всякихъ тайнъ соединеніемъ»,—а единственно для того, чтобы наложеніемъ на нихъ штрафа побудить обратившихся къ церкви раскольниковъ не возвращаться къ оставленному ими двуперстію. Не такъ смотрѣлъ на дѣло Ржевскій. Хотя ему вѣлно было Государемъ «чинить во всемъ по совѣту Питирима», тѣмъ не менѣе онъ «по всему церковниковъ», но «воображавшихъ себя двумя персты», рекомендовалъ Государю «причислять къ несогласующимся церкви», и, чтобы оправдать свой взглядъ на двуперстниковъ, ссылаясь на мнѣніе нижегородскаго митрополита Сильвестра. Я незнаю, правду ли писалъ Ржевскій относительно митрополита Сильвестра, происходившаго изъ дворянской фамиліи Волынскихъ,—

судя потому, что меньше, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ письма Ржевскаго, Сильвестръ былъ переведенъ изъ Нижняго въ Смоленскъ (1), можно скорѣе думать, что этотъ архипастырь мѣшалъ Ржевскому и Питириму или своимъ невниманіемъ къ расколу (2), или своимъ особымъ взглядомъ на содержимые раскольниками обряды; во всякомъ впрочемъ случаѣ несомнѣнно одно: вопросъ о двуперстникахъ, «во всемъ прочемъ повиновующихся церкви», былъ поднятъ впервые въ Нижнемъ Новгородѣ за два слишкомъ года до учрежденія Синода, и притомъ былъ возбужденъ настойчиво лицами довѣренными Государя, — сперва свѣтскимъ и за тѣмъ духовнымъ, хотя тѣмъ и другимъ не въ одинаковомъ смыслѣ. Значить, Государю нужно было рѣшить этотъ вопросъ. Рѣшилъ ли онъ? и въ какомъ смыслѣ? Я нахожу больше основанийъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно, чѣмъ отрицательно, и вотъ почему.

На Питирима Петръ I смотрѣлъ очень благосклонно; это, по словамъ Государя, былъ «равноапостольный», совѣтовъ котораго Петръ I слушался безпрекословно. Стоило, напримѣръ, Питириму написать царю, что «съ раскольниковъ, на вящшую тѣсноту, которыя женятся, а вѣчныхъ пошлинь не платятъ», слѣдовало бы кромѣ двойнаго оклада «братъ пошлинь рубли по три, или больше» (3), и Государь именнымъ своимъ указомъ немедленно приказываетъ Ржевскому на «раскольниковъ, которые женятся тайно не у церкви, безъ вѣчныхъ памятей, наложить особый

(1) 5 марта 1719 г.

(2) Истор. нижегор. іерарх., арх. Макарія, стр. 30 и 31.

(3) Есип. II, прилож. стр. 219 и 20.

сборъ, а именно: рубли по три съ человѣка мужеска и женска пола, на обѣ стороны поравну, а съ богатыхъ и больше», прибавляя при этомъ, что все это Ржевскій обязанъ чинить по совѣту епископа Питирима (¹). Или вздумается, на примѣръ, Питириму посовѣтовать Петру, любившему всегда и во всемъ дѣйствовать прямо и открыто, «смирять расколоучителей не явнымъ промысломъ», и Петръ собственноручно пишетъ Ржевскому: «а заводчиковъ и учителей, буде возможно явную вину сыскать *кромѣ раскола*, такихъ съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри ссылатъ на галеры, а буде нѣтъ причины явной, то чинить съ ними по словесному указу» (²), причемъ опять рекомендуется Ржевскому обо всемъ совѣтоваться «съ помянутою персоною» (т. е. Питиримомъ) какъ можно тайно, «дабы о томъ другіе никто не вѣдали» (³). Однимъ словомъ: вліяніе Питирима на Петра I было громадно. Юрій Ржевскій не имѣлъ въ глазахъ Государя того значенія, каковымъ пользовался Питиримъ; но и онъ былъ не послѣдней птицей въ числѣ птенцовъ царствованія Петрова. Какъ видно, Ржевскій пользовался счастіемъ не только вести переписку съ Государемъ, но и получать на свои донесенія отвѣты Петра I.— то въ видѣ писемъ, то въ формѣ именныхъ Высочайшихъ указовъ. Такъ на примѣръ, недоумѣніе Ржевскаго — брать ли съ обратившихся раскольниковъ двойной окладъ, высказанное имъ въ томъ же письмѣ Го-

(¹) Пол. С. З., № 3340.

(²) Есип. II, стр. 220—2.

(³) Чтобы видѣть вліяніе совѣтовъ Питирима на Петрово законодательство по расколу, для этого достаточно сравнить докладную его записку (Есип. II, прилож. стр. 217—220) съ указами 15 мая и 16 июля 1722 г. (Собр. пост. по ч. раск. кн. I, стр. 35, 52—4).

сударю, въ которомъ нижегородскій вице-губернаторъ спрашивалъ Петра и о двуперстникахъ, было немедленно разрѣшено Государемъ въ именномъ указѣ отъ 24 марта 1719 г. на имя Юрія Ржевскаго (1). И хотя Ржевскій былъ далеко не безукоризненный исполнитель воли монаршей, и Государь зналъ это (2), — тѣмъ не менѣе Пителимъ находилъ его «зѣло полезнымъ для искорененія раскола» и старался увѣрить въ этомъ всѣхъ и cadaго (3) и даже самого Государя (4). Имѣя въ виду все сказанное, можно ли допустить, чтобы вопросъ о крестящихся двумя перстами, но «по всему прочему повинующихся церкви», — вопросъ, за разрѣшеніемъ котораго Юрій Ржевскій и Пителимъ обращались къ Государю, былъ оставленъ имъ безъ отвѣта, когда извѣстно, что Петръ I немедленно разрѣшалъ менѣе важныя недоумѣнія означенныхъ лицъ? Правда, Высочайшаго указа, въ которомъ бы разрѣшался вопросъ о двуперстникахъ, возбужденный Ржевскимъ и Пителимомъ, я не знаю; но глумиться надъ этимъ незнаніемъ, какъ дѣлаетъ это адвокатъ г. Филиппова, значить забывать, что, во 1-хъ, мы только еще ожидаемъ изданія въ свѣтъ *всѣхъ* письменныхъ памятниковъ Великаго Преобразователя, что, во 2-хъ, Ржевскій, кромѣ письменныхъ указовъ, получалъ отъ Государя еще *словесныя* повелѣнія относительно раскола (5), и что наконецъ, въ 3-хъ, сознаніе въ незнаніи того или другаго указа есть знакъ не бѣдшаго невѣжества, чѣмъ признаніе Высочайшимъ указомъ

(1) Пол. С. З. № 3340.

(2) Пол. С. З. № 3232.

(3) Опис. докум. и дѣлъ I, стр. 95; Есип. II, прилож. стр. 193—4.

(4) Есип. II, прилож. стр. 264—6.

(5) Есип. II, прилож. стр. 273.

распоряженія синодальнаго—на томъ основаніи, что оно называется указомъ Его Императорскаго Величества.

А если допустить, что вопросъ о томъ, причислять ли къ раскольникамъ двуперстниковъ, былъ рѣшенъ Государемъ (письменно, или словесно, это—вопросъ не важный), то, по моему мнѣнію, необходимо предположить, что онъ рѣшенъ былъ именно въ томъ смыслѣ, какой указанъ былъ Ржевскимъ. Сборъ денегъ двойнаго оклада съ раскольниковъ, какъ видно, Петръ считалъ важнымъ дѣломъ, и, какъ показываютъ памятники, этотъ сборъ давалъ ему не малую по тому времени сумму денегъ. Одинъ Ржевскій собралъ за 1718 и 19 годы съ раскольниковъ нижегородской губерніи до 20 тысячъ (¹). А между тѣмъ «по всему церковниковъ, писалъ Ржевскій, а воображающихъ себя двумя персты» въ нижегородской губерніи «обрѣтается многое число» (значить, указанная сумма денегъ двойнаго оклада могла увеличиться), да и Сильвестръ, митрополитъ нижегородскій, добавлялъ Ржевскій, «въ объявленіи своемъ таковыхъ причель несогласующимся церкви». Испушеніе сильное—даже и для такого великаго человѣка, какимъ былъ Петръ I, особенно если имѣть въ виду то обстоятельство, что Петръ вѣрованія раскольниковъ и ихъ обрядовыя особенности считалъ пустяками, говоря открыто: «пусть вѣруютъ, чему хотять» (²).

Впрочемъ, какъ ни серьезны основанія, которыя

(¹) Опис. докум. н дѣлъ I, стр. 97.

(²) Адвокатъ г. Филиппова желаетъ знать, откуда взята мною эта «любопытная цитата»; онъ можетъ удовлетворить своему желанію, прочитавъ 157 стр., III т. д. II. В. Голякова, или 145 стр. анекдот. Штелина.

заставляют думать, что еще прежде, чѣмъ Синодъ сдѣлалъ въ 1722 году свое распоряженіе о записи въ расколъ всѣхъ, крестившихся двумя перстами, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ свѣтскою властію, и что, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого рѣшенія послѣдовало и опредѣленіе Синода (1),—я, какъ Вы помните, не вы-

(1) Независиме здѣсь замѣтить, что «писанія» архим. Антонія «о раскольниковскихъ дѣлахъ» почему-то докладывались Государю (Опис. докум. и дѣлъ I, стр. 37—8), и притомъ такими членами Синода, которыми Петръ I иногда «самоустно» сказывалъ свою высочайшую волю для объявленія Синоду (тамъ же стр. 715; Полн. Собр. постанов. т. II, стр. 42) и которые, какъ видно (Опис. докум. и дѣлъ I, стр. 302 и 770) были самыми вліятельными членами въ Синодѣ, и что друзья Антонія старались доставить ему случай повидаться съ нижегородскимъ архіереемъ (Пятиримомъ)—«ради лучшаго исполненія подобающія потребности къ дѣламъ вашимъ», писали Антонію изъ Петербурга (Описан. докум. и дѣлъ I, стр. 37). Стѣбитъ вниманія и слѣдующее обстоятельство. Какъ можно судить по подлинному дѣлу, Синодъ на вопросъ Антонія о двухперстникахъ думалъ-было положить слѣдующую резолюцію: «увѣщевать, дабы они отъ того престаи сложенія противнаго, въ церковь принимать и не отлучать». По крайней мѣрѣ эта резолюція находится на первомъ экземплярѣ пунктовъ Антонія и написана рукою оберъ-секретаря Палехина, вѣроятно, со словъ членовъ Синода (въ присутствіи). Но затѣмъ на слѣдующихъ экземплярахъ тѣхъ же пунктовъ, кажется, рукою Феодана Прокоповича написана та резолюція, которая вошла въ окончательную редакцію указа 15 мая 1722 года. Я остановился съ особеннымъ вниманіемъ на указѣ 15 мая 1722 года потому, что г. Филипповъ и особенно адвокатъ его, на основаніи моего признанія въ томъ, что это распоряженіе Св. Синода долгое время смущало и меня, счѣтаютъ указъ 15 мая особенно сильнымъ опроверженіемъ моего взгляда на значеніе соборной клятвы 1667 г. и даже вообразили, будто бы въ «смущеніе» привелъ меня собственно г. Филипповъ, указавшій въ своемъ чтеніи (18 января) такой документъ, противъ котораго мнѣ нечего было возразить. Смѣю увѣрить почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія и его адвоката, что указъ 15 мая 1722 г. былъ извѣстенъ мнѣ раньше, чѣмъ у г. Филиппова явилась мысль познакомить общество съ «нуждами единовѣрія» (см. напр., «Хр. Чт.» 1866 г. ч. II, стр. 431), «даже почитать мною въ той самой статьѣ о единовѣрїи, изъ которой защитникъ нуждъ единовѣрія такъ неудачно заимствовалъ нѣкоторыя изъ своихъ доказательства, что послѣ долженъ былъ отъ нихъ отказаться, сознавшись въ своей «небрежности», и что «смуще-

давалъ своей мысли за несомнѣнную, а только высказалъ ее въ видѣ предположенія. Но однако же за такое предположеніе, для котораго, кажется, есть основаніе», испытанное мною при встрѣчѣ съ указомъ 15 мая 1722 года, относится къ «дѣламъ давно минувшихъ лѣтъ», когда я еще только начиналъ изученіе раскола, происходило отъ того, что указанное распоряженіе Св. Синода мнѣ казалось противорѣчающимъ другимъ фактамъ, относящимся къ тому же времени, и уже давно кончилось, благодаря появленію въ свѣтъ новыхъ изслѣдованій о расколѣ и особенно «Описанія документовъ и дѣлъ» Св. Синода и «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству прав. исповѣданія», въ которомъ вмѣстѣ съ распоряженіями Св. Синода указаны и самыя обстоятельства, ихъ вызвавшія. Кстати: адвокатъ г. Филиппова, величающій своего кліента человекомъ «чистыхъ и свободныхъ воззрѣній», мой взглядъ на «нужды единовѣрія», высказанный мною въ рѣчи 25 февраля, называетъ не «новымъ», весьма распространеннымъ и, такъ сказать, должностнымъ, и тѣмъ даетъ понять, что взглядъ г. Филиппова—новый, мало распространенъ и есть, такъ сказать, взглядъ приватный. Противъ послѣднихъ двухъ прилагательныхъ я не считаю нужнымъ возражать, но касательно новости взгляда почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія могу замѣтить, что ничто не ново подъ луною. И если бы кто либо имѣлъ терпѣніе и охоту прочесть записку старца Силуана, настоятеля старообр. Ирговскаго монастыря, поданную мнѣ (въ 1840 г.) единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ и напечатанную въ той самой книгѣ, изъ которой адвокатъ г. Филиппова привелъ слова покойнаго митрополита Григорія (Граждан. № 22, стр. 634),—«Краткое обзорніе существованія церкви единовѣрческой», составленное раскольниковскими епископами Пашутіемъ казанскимъ и Антоніемъ московскимъ и напечатанное въ XXVIII книжкѣ «Истинъ» свящ. Голубева, тѣ страницы изъ моей статьи, напечатанной въ «Хр. Чтенія» за 1870 г., на которыхъ изложены мною недоумѣнія раскольниковъ и нѣкоторыхъ единовѣрцевъ относительно соборной клятвы 1667 г., и наконецъ тѣ новѣйшія раскольниковыя сочиненія о соборѣ 1667 года, разборъ которыхъ недавно былъ напечатанъ въ одномъ изъ свѣтскихъ періодическихъ изданій (Вѣсти Европы, 1873 г. май и іюнь) и которыя, къ сожалѣнію, писаны, какъ говорятъ, на самомъ дѣлѣ не раскольниковомъ, а однимъ единовѣрческимъ священникомъ, владѣющимъ такою гибкою совѣстію, что онъ находитъ возможнымъ носить священническую расу, чтобы собирать съ простодушныхъ прихожанъ деньги за требосправленія, и въ тоже время писать сочиненія въ пользу раскола и противъ православной церкви,—тотъ, я увѣренъ, убѣдился бы, что г. Филипповъ не только во взглядѣ на нужды единовѣрія, но и въ самыхъ доказательствахъ, которыми старается подтвердить свой взглядъ, поетъ съ чужаго и далеко не чистаго голоса.

ваніе, г. Филипповъ упрекаетъ меня въ томъ, будто бы я, по возбужденному имъ вопросу, занять не открытіемъ истины, а навязываніемъ Вамъ своей предвзятой мысли, и въ спорѣ съ нимъ иду «не прямымъ путемъ, а уклоняюсь въ окольные, извилистыя тропки, которыя заводятъ меня въ невылазную топь». Нельзя не сознаться въ томъ, что г. Филипповъ — мастеръ на фразы и щедръ на обвиненія.

Что же касается втораго объясненія, которое я представилъ 25 февраля, по поводу синодскаго опредѣленія 28 февраля 1722 года о двуперстникахъ, и которое коротко изложилъ и нынѣ, то г. Филипповъ не представилъ противъ него никакихъ возраженій, и только замѣтилъ, что такимъ объясненіемъ я будто бы «вавожу на церковную власть такое обвиненіе, которому по тяжести едва ли можно пріискать другое равное», — именно — обвиненіе въ «податливости» главныхъ членовъ Синода..., рѣшившихся «издать постановленіе 15 мая 1722 года для того, чтобы ни одинъ двоеперстникъ не могъ избавиться отъ уплаты двойнаго оклада». Но, во 1-хъ, если слово: «податливость», котораго я не употреблялъ, замѣнить словами: «исполненіе высочайшей воли», тогда мысль моя будетъ выражена точнѣе, и обвиненія здѣсь не окажется никакого; если же и нужно обвинять кого либо въ этомъ дѣлѣ, то скорѣе — не церковную власть, а свѣтскую, которая, обложивъ раскольниковъ двойнымъ окладомъ и требуя, чтобы никто изъ раскольниковъ не уклонялся отъ платежа этого оклада, веденіе этого дѣла поручила власти церковной; во 2-хъ, Синодъ, опредѣляя всѣхъ, крестившихся двумя перстами, записывать въ расколъ, имѣлъ при этомъ въ виду не

то, чтобы *всѣхъ* двуперстниковъ, изъ которыхъ многіе могли быть «по всему прочему» православными, заставить платить двойной окладъ и такимъ образомъ увеличить сборъ этого оклада, а то, чтобы не позволить уклоняться отъ уплаты двойнаго оклада ни одному раскольнику, даже и такому, который притворно выдавалъ себя за православнаго, но не могъ только разстаться съ своимъ «главнымъ догматомъ» — двуперстіемъ. Такимъ образомъ цѣль, которую преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ Синодъ, была указана ему свѣтскою властію, и осуждать за нее (цѣль) церковную власть было бы несправедливо; можно только признать не-вполнѣ пригоднымъ избранное Синодомъ средство къ достиженію этой цѣли. Но и въ этомъ случаѣ, по долгу правды, нельзя строго порицать церковную власть. Отличить раскольника отъ православнаго — съ тѣмъ, чтобы, оставивъ послѣдняго въ покоѣ, заставить перваго платить двойной окладъ, — составляло во времена Петра задачу чрезвычайно трудную. Сперва «лучшимъ знаменіемъ, почему познать раскольника», считалось, по мысли самого Государя, удаленіе христіанина отъ исповѣди и св. причастія (1). Но скоро это «лучшее знаменіе» оказалось ненадежнымъ. Въ указѣ 1720 года (14 марта) уже говорится, что «многіе раскольники, не хотя расколъ свой объявить и двойнаго оклада платить, происходятъ тайно подъ видомъ благочестія, и исповѣдываются подлогомъ, а не истиннымъ покаяніемъ» (2). Правда, исповѣдуясь подлогомъ, раскольники бѣльшею частію не хотѣли пріобщаться и для этого «притворно на себя свазывали грѣхи безмѣ-

(1) Пол. С. П. I, стр. 25.

(2) Пол. С. Зак. № 3547.

стные, дабы тако отбиться отъ причастія св. Евхаристіи, ими безбожно хулимою» (1), почему, по мысли Петирима (2), было постановлено: «исповѣдующаго грѣхи свои, каіе бы ни были, къ причастію св. таинъ припускать неотложно». Но такъ какъ многіе раскольники, чтобы скрыть свой расколъ и избавиться отъ платежа двойнаго оклада, рѣшались не только исповѣдываться, но и пріобщаться, хотя и лицемѣрно, вслѣдствіе чего иногда странно издѣвались надъ св. тайнами (3), то признано было необходимымъ свидѣтельствовать искренность православія всякаго, кто подозрѣвался въ расколѣ, «исповѣданіемъ клятвеннымъ», помѣщеннымъ въ Чинѣ 1720 года, о которомъ я уже говорилъ. Но такъ какъ многіе, чтобы уклониться отъ платежа, готовы были, какъ писалъ Антоній, притворно исполнить и «новопечатную присягу», только никакъ не хотѣли оставить своего двуперстія, то власть наконецъ и остановилась на этомъ перстосложеніи, какъ на несомнѣнномъ признакѣ раскольничества всякаго и даже потаеннаго старообрядца, и въ силу этого постановила — считать раскольникомъ всякаго, кто крестился двумя перстами, хотя бы онъ во всемъ прочемъ показывалъ себя православнымъ (4). Впрочемъ, потому ли, что двуперстія держались и многіе православные, или потому, что нашлись раскольники, которые прежде, чѣмъ исполнить присягу, принимали «лестно» троеперстіе, хотя на дѣлѣ продолжали креститься двумя перстами, но — такъ

(1) Ук. 15 мая 1722 г.

(2) Еяп. II, прилож. стр. 218.

(3) Собр. пост. по ч. раск. I, стр. 116.

(4) При чемъ Синодъ находилъ еще нужнымъ сдѣлать особенные знаки для раскольниковъ и для православныхъ.

искусно, что трудно было замѣтить ихъ перстосложенеіе (1),—только Св. Синодъ 29 окт. 1722 года «единственнымъ способомъ къ узнанію потаенныхъ раскольниковъ» снова призналъ присягу, «какова въ с.-петербургской типографіи января 15 числа 1720 года напечатана» (2), опредѣливъ: «по всѣмъ епархіямъ, гдѣ о расколѣ сумнительство есть, а записныхъ раскольниковъ никого нѣтъ, приводить къ оной присягѣ всѣхъ всякаго званія обывателей обоюга пола людей, кромѣ повсегодно исповѣдывающихся и причащающихся, и свидѣтельство на то имѣющихъ и сумнѣнію не подлежащихъ персонъ, въ удобныя времена, безъ отлагательства, по обыкновенію, съ достооджнымъ коегождо присягающаго рукоподписаніемъ»; причемъ Синодъ повелѣлъ приводить къ присягѣ, «только краткимъ терминомъ», и указанныхъ «персонъ», когда кто изъ нихъ «въ какой новый чинъ, или къ какому новому дѣлу опредѣленъ будетъ» (3). При этомъ считаю необходимымъ замѣтить слѣдующее: всякій разъ, какъ Синодъ указывалъ тотъ или другой признакъ для открытія потаенныхъ раскольниковъ, онъ говорилъ, что дѣлаетъ это во исполненіе Высочайшихъ указовъ объ обложеніи раскольниковъ двойнымъ окладомъ. Такъ напр. опредѣленіе Синода 28 февраля 1722 года, въ которомъ онъ впервые постановилъ писать въ расколѣ

(1) Опис. докум. и дѣлъ I, стр. CCLXXXVI.

(2) Здѣсь говорится, что присяга напечатана въ Петербургѣ 15 января, но изъ другихъ документовъ видно, что она печаталась въ Москвѣ (Пол. С. П. I, стр. 297) іюля въ 3 день (см. самую присягу—въ предисловіи).

(3) Пол. С. П. II, № 877, свес. Собр. пост. по ч. р. 1, стр. 65—7; стѣбитъ замѣтить, что Синодъ указываетъ при этомъ на нижегородскую епархію, гдѣ уже отыскивались раскольники посредствомъ означенной присяги, вѣдѣ, кромѣ Москвы, еще не употреблявшейся.

всѣхъ, кто не хотѣлъ оставить двуперстія, начинается слѣдующими словами: «св. правительствующій Синодъ, слушавъ имянныхъ Его Императорскаго Величества указовъ, каковы о изысканіи и искорененіи раскольниковъ въ нижеозначенныя времена состоялися»... и далѣе Синодъ ссылается на указы 1716 года февраля 18 дня и 1718 г. февраля 17 дня (1). Таже самая ссылка на указъ 18 февраля 1716 года находится и въ указѣ Синода 29 октября 1722 года, въ которомъ оный, какъ на лучшій способъ къ открытію по-таенныхъ раскольниковъ, указываетъ на присягу (2).

Я не спорю противъ того, что церковной власти не слѣдовало бы слишкомъ стѣсняться распоряженіями власти свѣтской и, во исполненіе ихъ, запрещать, вопреки прежде существовавшему порядку, употребленіе двуперстія «всякихъ чиновъ людямъ» безъ различія, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ во всемъ прочемъ повиновались церкви; но осуждать Синодъ за такую, по выраженію г. Филиппова, податливость я не считаю себя вправѣ, — зная, что во времена Петра, — скажу словами раскольниковъ, которые въ этомъ случаѣ оказываются безпристрастиѣ многихъ православныхъ, — «вся воля отъяся отъ духовныхъ гражданскою властію» — такъ, что «духовная власть ничто же нача безъ позволенія его (Петра I) дѣйствовать» (3).

Наконецъ, не могу не обратить Вашего вниманія на слѣдующія слова синодальнаго опредѣленія 28 февраля 1722 г.: «многіе раскольники хотя дургія свои противности, которыя отправляться могутъ

(1) Пол. С. П. II, № 453.

(2) Пол. С. П. II, № 877.

(3) Вельс, вып. 4, стр. 265—6.

тайно, утаиваютъ, а которое тако отправляемо быть не можетъ, а именно двуперстное креста изображеніе, что всякій присмотрѣть за ними можетъ, якобы *неважную причину* не таятъ и объявляютъ, и то есть противность и раскольнической же предести, и подъявкою *того ради* оное двуперстное креста изображеніе всякихъ чиновъ людямъ изображать *запретить*, а кто послушанія не хочетъ, таковыхъ писать по указу въ расколъ и чинить объ нихъ, какъ и о прочихъ раскольникахъ опредѣлено, безъ всякаго имъ за ту противность послабленія» (1). Изъ этихъ словъ видно и то, что до 1722 г. всякихъ чиновъ люди, крестившіеся двумя перстами и не отдѣлявшіеся отъ церкви, не считались властію церковною раскольниками, и то, по какой причинѣ Синодъ опредѣлилъ въ этомъ году писать въ расколъ всѣхъ двуперстниковъ, — и наконецъ то, что это опредѣленіе Синода не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ клятвѣ собора 1667 года, а вызвано было особыми обстоятельствами, въ которыя поставлена была и сама власть церковная и расколъ разными распоряженіями свѣтской власти, — однимъ словомъ: видно то, что я уже имѣлъ честь заявлять предъ вами 25 февраля.

Новый «доводъ», которымъ г. Филиповъ подтверждалъ свою мысль о томъ, что соборная клятва 1667 г. касается собственно употребленія стараго обряда, независимо отъ отношенія читателей этого обряда къ церкви и ея обрядамъ, и который онъ считаетъ твердымъ и послѣ моихъ замѣчаній, составляетъ 212 отвѣтъ Пятирима, епископа нижего-

(1) Пол. С. П. II, стр. 101—2.

родскаго, данный имъ на вопросъ раскольниковъ, выраженный ими въ слѣдующихъ словахъ: «аще который іерей нынѣ во святѣй церкви отслужить литургію по старопечатнымъ служебникамъ, на седми просфорахъ, съ воображеніемъ честнаго креста съ подножіемъ, и съ прочією обычною подписію...., будетъ ли пречистое тѣло и кровь Христова, или ни»? 25 февраля я изложилъ предъ Вами сущность Питиримова отвѣта; 28 марта г. Филипповъ привелъ подлинныя слова его; поэтому я считаю лишнимъ повторять теперь уже слышанное Вами и ограничусь слѣдующими замѣчаніями: г. Филипповъ 18 января говорилъ, что въ отвѣтѣ Питирима находится «отрицаніе дѣйственности евхаристіи, совершенной на седми просфорахъ», и на этомъ основаніи утверждалъ, что «клятва 1667 г. простиралась на содержаніе» старыхъ обрядовъ. Я напротивъ доказывалъ 25 февраля, что, по прямому и ясному смыслу Питиримова отвѣта, въ немъ отрицается дѣйственность евхаристіи не той, которая совершается на седми просфорахъ, съ печатію осьмиконечнаго креста и проч., а той, которая совершается священниками, перешедшими на сторону раскола и за это проклятыми, лишенными сана и потому не имѣющими власти и права совершать литургію. Въ объясненіяхъ, представленныхъ г. Филипповымъ 28 марта, онъ не говоритъ уже о томъ, что Питиримъ въ 212 отвѣтѣ отрицаетъ дѣйственность евхаристіи за то, что она совершалась по старопечатнымъ служебникамъ, и слѣдовательно, можно думать, призналъ неправильность мысли, которую заявлялъ 18 января, и правильность моего замѣчанія о томъ, что онъ извра-

тиль смыслъ Питиримова отвѣта, опустивъ изъ него слова, которыя прямо указывали этотъ смыслъ. Но за то мой почтенный противникъ рѣшительно не соглашается со мной въ томъ, что Питиримъ ведетъ рѣчь въ указанномъ отвѣтѣ о полахъ, ушедшихъ въ расколь, и напротивъ настойчиво утверждаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ «о такихъ священникахъ, которые, не оставляя общенія съ церковію, рѣшились бы, по какому либо случаю, отслужить литургію по старопечатнымъ служебникамъ и на семи просфорахъ старой печати». Чѣмъ же подтверждаетъ свою мысль г. Филипповъ? «Каждую буквою какъ предложеннаго раскольниками вопроса, такъ и даннаго Питиримомъ отвѣта». «Если бы вопросъ предлагался о раскольническихъ полахъ, замѣчаетъ г. Филипповъ, то зачѣмъ было спрашивать о томъ, будетъ ли пречистое тѣло и кровь Христова при служеніи литургіи на семи просфорахъ и по старымъ служебникамъ? На сколькихъ бы просфорахъ, хотя бы на пяти, и по какимъ бы служебникамъ, хотя бы по новоисправленнымъ, ни служилъ литургію поплъ, ушедшій въ расколь, о совершеніи имъ истиннаго таинства не можетъ быть и рѣчи. Другаго отвѣта на подобный вопросъ отъ Питирима и быть не могло, что очень хорошо понимали и вопрошающіе. Такъ поставленный вопросъ рѣшался бы не числомъ просфоръ и не текстомъ служебника, а указаніемъ на то, что эта предполагаемая литургія совершена въ св. церкви». А развѣ 212 вопросъ раскольниковъ—о томъ, дѣйствительно ли таинство евхаристіи, совершенной по старопечатнымъ служебникамъ, на семи просфорахъ и проч., Питиримъ рѣшаетъ числомъ просфоръ

и текстомъ служебника? Или развѣ г. Филиппову неизвѣстно, что раскольники—поповцы, предлагавшіе свой вопросъ Питириму, церковію считали свое общество и потому именно и пробавлялись, такъ называемыми, бѣглыми попами, переходившими къ нимъ изъ православія, что всѣ, совершаемыя ими въ расколѣ (а по мнѣнію поповцевъ, въ истинной церкви), таинства считали дѣйствительными? Наконецъ, развѣ г. Филипповъ не понимаетъ, что если не за чѣмъ было раскольникамъ спрашивать Питирима о силѣ священнодѣйствія своихъ поповъ въ 212 вопросѣ, то не было имъ нужды предлагать ему и 227 вопроса, въ которомъ, и по мнѣнію г. Филиппова, рѣчь идетъ собственно «о силѣ священнодѣйствія» раскольническихъ поповъ? Однимъ словомъ: г. Филипповъ говоритъ такія вещи, которымъ можно только дивиться, но которыя опровергать серьезно не стоить. И однако же почтенный противникъ мой, какъ бы не замѣчая странности своихъ словъ, продолжаетъ рѣчь и утверждаетъ, что «если бы въ 212 вопросѣ рѣчь шла о раскольническомъ попѣ, тогда у Питирима не спросили бы: *если какой нибудь іерей отслужитъ* (форма однократная), ибо у раскольниковъ *всѣ* безъ исключенія іереи и *всегда* служатъ литургію на семи просфорахъ и по старымъ служебникамъ. Ясно, заключаетъ г. Филипповъ, что вопросъ 212 имѣлъ въ виду такого священника, который обыкновенно служитъ на пяти просфорахъ и по новоисправленнымъ служебникамъ, и ^ктолько по особому случаю отслужилъ бы *разъ* литургію по старому, вовсе не думая при этомъ отлучаться отъ церкви и своего священноначалія, однимъ словомъ,

совершилъ бы актъ, подобный тому, за который въ 1668 г. митрополитъ новгородскій Пителимъ подвергъ судебному преслѣдованію священниковъ тихвинскаго посада».

А для меня ясно одно то, что г. Филиповъ мало понимаетъ дѣло, о которомъ трактуетъ. И во 1-хъ, если раскольники разумѣли въ 212 вопросѣ православнаго священника, совершившаго актъ, подобный тому, за который новгородскій митрополитъ Пителимъ преслѣдовалъ священниковъ тихвинскаго посада, и если Пителимъ нижегородскій понималъ вопросъ въ такомъ именно смыслѣ, то почему же послѣдній архипастырь поступилъ не такъ, какъ первый, т. е. въ отвѣтъ своемъ не призналъ дѣйственности евхаристіи, совершенной по старому, тогда какъ Пителимъ новгородскій называлъ такую евхаристію «божественными и пречистыми тайнами»? Или Пителимъ нижегородскій, отвѣчая на 212 вопросъ раскольниковъ, забылъ, что онъ писалъ въ отвѣтъ на вопросъ 211-й, гдѣ говорится слѣдующее: «совершенное самое тѣло Христова, и кровь Христова, не ради числа убо седми просфоръ, ниже трости и копія, и главы Адамовы, и ниже ради излишняго надписанія, ниже сицеваго ради крестнаго изображенія: но ради молитвъ іерейскихъ и знаменія крестнаго, иже рукою іерейскою бываемое, пресвятый и животворящій Духъ приходяше и предложенныя дары претворяше?» Г. Филипова смущаетъ *однократная* форма глагола (отслужить), которую употребили раскольники въ своемъ вопросѣ, и онъ, на основаніи этого слова, утверждаетъ, что здѣсь разумѣлся не раскольникій, а православный священникъ, одинъ только *разъ*

отслужившій литургію по старому. На это мнѣ слѣдовало бы отвѣтить словами Никиты Пустосвята, сказанными имъ на соборѣ въ грановитой палатѣ: «пріидохомъ здѣ не о грамматикѣ съ вами глаголати»; но если ужъ дѣло дошло до грамматики, то отъ чего же не поговорить и объ этомъ. Если, по мнѣнію г. Филиппова, раскольники хотѣли указать въ своемъ 212 вопросѣ православнаго священника, а не раскольничьяго, то почему же они вмѣсто однократной неупотребили многократной формы глагола (служить) и слова: іерей — не поставили во множественномъ числѣ, такъ какъ извѣстно, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ числѣ православныхъ священниковъ былъ не одинъ, а многое множество такихъ, которые *не разъ, а постоянно* «всякое священнослуженіе отправляли по старопечатнымъ служебникамъ и требникамъ и другимъ книгамъ, и обхожденіе круга имѣли по солнцу» (1) и проч., о чемъ вопрошавшіе Питирима, безъ сомнѣнія, знали очень хорошо? Впрочемъ, чтобы скорѣе покончить съ грамматикой, я объясню г. Филиппову, почему раскольники, разумѣя подъ іереемъ не православнаго а своего, раскольничьяго попа, въ то же время употребили однократную форму глагола — отслужить. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда писались вопросы Питириму, былъ въ расколѣ «іерей», который игралъ въ поповщинѣ чрезвычайно важную роль. Это — іеромонахъ Θεодосій, изъ города Рыльска, послѣдній священникъ стараго крещенія и поставленія, рукоположенный, по сказанію раскольниковъ, самимъ патриархомъ Іосифомъ. Этотъ Θεодосій, послѣ многихъ страц-

(1) Опис. допум. и дѣлъ I, стр. 333.

ствованій по Россіи, удалился въ тогдашнюю Польшу—на Вѣтку и здѣсь освятилъ съ двумя другими бѣглыми священниками уже новаго рукоположенія, основанную еще предшественникомъ Θεодосіа, первую раскольничью церковь. Это обстоятельство сдѣлало Вѣтку главою поповщины, а Θεодосію дало право считать себя верховнымъ пастыремъ всего поповщинскаго раскола и разсылать повсюду свое благословеніе и, — что было важнѣе для раскольниковъ, — запасные дары. Эти запасные дары имѣли для раскольниковъ особенное значеніе — не только потому, что въ нихъ тогда нуждалась вся поповщина, не имѣвшая другихъ храмовъ, кромѣ Вѣтковаго, но главнымъ образомъ потому, что въ числѣ даровъ, рассылаемыхъ Θεодосіемъ, были и такіе, которые считались раскольниками, если можно выразиться такъ, особенно святыми. Дѣло въ томъ, что, какъ гласятъ раскольничьи сказанія (1), Θεодосій, когда послѣдовало въ расколѣ оскуднѣніе запасныхъ «древнихъ» даровъ, рѣшился «къ удовленію причастія» на слѣдующее рискованное средство: прибывши въ Калугу, онъ отыскалъ «праздную» церковь и въ ней, въ великій четвертокъ, ночью совершилъ литургію для приготовленія запасныхъ даровъ, которыми потомъ и снабжалъ раскольниковъ. Вотъ этотъ-то единственный, или единственный случай и имѣли въ виду нижегородскіе раскольники, предлагая Питириму 212 вопросъ; поэтому-то они и употребили однократную форму глагола—отслужить. А что именно подъ іереемъ, отслужившимъ литургію на семи просфорахъ и проч., раскольники разумѣли вышеуказаннаго Θεодо-

(1) Истор. о бѣгствующ. священствѣ—Алексѣва.

сія, въ этомъ г. Филипповъ можетъ убѣдиться, прочитавъ 209 вопросъ раскольниковъ, въ которомъ они писали слѣдующее: «пречистое тѣло Христова, совершаемое въ великій четвертокъ, въ запасъ на весь годъ: *еще же имать пребыти тое таинство нужды ради чрезъ многая лѣта*, имать ли быти тое таинство тѣло и кровь Христова причащающимися, или ни, — покажи отъ святыхъ писаній», и въ то же время обративъ свое вниманіе еще на слѣдующія слова 212 вопроса: «еще который іерей нынѣ (1) во святой церкви отслужить». Сколько я ни читалъ раскольничихъ сочиненій, но ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчалъ слова: «святой» — въ приложеніи къ православному храму, или общѣе: къ православной церкви (2), какъ обществу правовѣрующихъ. Никоніанскій храмъ, никоніанская, великороссійская, господствующая церковь, — вотъ общепринятая у раскольниковъ выраженія. Надѣюсь, въ этомъ случаѣ согласится со мною и г. Филипповъ. А если такъ, то остается только подивиться, какъ г. Филипповъ, изучившій, по его словамъ, каждую букву 212 вопроса Пращицы, опустил изъ вниманія цѣлое слово: святой — въ приложеніи къ церкви, — слово, которое одно, лучше всякихъ софизмовъ и измышленій, доказываетъ, что раскольни-

(1) Слово: «нынѣ» не значитъ того, будто бы раскольники спрашивали о священникѣ *своею* времени, а указываетъ только на все время существованія нововсправленныхъ книгъ и обрядовъ и употреблено ими въ соотвѣтствіе слову: «прежде» предыдущаго вопроса.

(2) Г. Филипповъ, кажется, и самъ, понимая, что слова: «во святой церкви» въ устахъ раскольниковъ не совсѣмъ идутъ къ православному храму вообще, и потому замѣнилъ ихъ словами: «не отлучаясь отъ церкви», не замѣчая того, что и при такомъ толкованіи слова эти не могли быть сказаны раскольниками, которые церковь православную считаютъ еретическою.

ки въ этомъ вопросѣ имѣли въ виду не православнаго священника и не православный храмъ вообще, а известнаго «іерея Θεодосіа» и ту церковь города Калуги, въ которой онъ совершилъ литургію и которая, какъ «праздная», т. е. такая, въ которой съ давнихъ лѣтъ не совершалось богослуженія, не была осквернена «ніконіанскими новшествами» и слѣдовательно оставалась и въ глазахъ раскольниковъ «святою» (1).

Что же касается отвѣта Питиримова на вопросъ раскольниковъ, то я уже показалъ точный смыслъ его еще 25 февраля. Въ настоящій разъ считаю нужнымъ обратить Ваше вниманіе только на слѣдующее: г. Филипповъ съ цѣлію показать, будто бы Питиримъ въ 212 отвѣтѣ разумѣлъ не раскольниковъ, а православныхъ, только по чему либо служившихъ иногда литургію по старому, указываетъ на то, что, отвѣчая на 227 вопросъ, въ которомъ, и по мнѣнію г. Филиппова рѣчь идетъ о полахъ раскольниковъ, Питиримъ прямо говорилъ: «ваши лжепопы», между

(1) На естественный при этомъ вопросъ: для чего раскольники спрашивали Питирима о совершонной Θεодосіемъ литургіи въ «праздной» церкви гор. Калуги, трудно дать вѣрный отвѣтъ. Въ то время, когда нижегородскіе раскольники, между которыми главную роль играли дьяконовцы, писали свои вопросы Питириму, между Керженцемъ и Вяткой, которою управлялъ Θεодосій, шли пререканія до того сильныя что Θεодосій грозилъ дьяконовцамъ отлученіемъ (Истор. русск. раск., стр. 303); предлагая Питириму 212 вопросъ, не хотѣли-ль раскольники нижегородскіе найти въ неблагопріятномъ на него отвѣтѣ основаніе къ тому, чтобы и съ Θεодосіевымъ «причастіемъ» поступить такъ же, какъ они поступили и съ муромъ его, т. е. отвергнуть, такъ какъ въ это время еще существовало въ расколѣ «тайнство» другаго (уже умершаго) расколочителя, игумена Досіея, и притомъ—въ такомъ количествѣ, что, по словамъ раскольниковъ, его было достаточно «на пять тысячъ лѣтъ ста тысячамъ человѣкомъ безъ нужды» (Опис. док. и дѣлъ I, стр. 179).

тѣмъ какъ въ отвѣтѣ на вопросъ 212 замѣчалъ: «попы, вами прельщенніи». Если г. Филиппову это различіе въ выраженіяхъ представляется дѣломъ серьезнымъ, въ такомъ случаѣ въ подтвержденіе того, что подъ попами, прельщенными раскольниками, Питиримъ разумѣлъ собственно раскольничьихъ поповъ (1), я укажу на то, что онъ называетъ ихъ (въ 212 отвѣтѣ) «проклятыми и изверженными и весьма священнослуженія обнаженными»; а такъ именно и характеризуетъ онъ поповъ раскольничьихъ во всемъ своемъ сочиненіи. «Зри противниче, замѣчаетъ онъ въ отвѣтѣ на 213 вопросъ..., пресвитера не проклятаго (т. е. православнаго, но рѣшившагося отслужить въ «честнѣй храмѣ безъ антимиаса») правило соборное измещеть, а ваши проклятїи: не изверженнаго — извергаетъ, а ваши — изверженніи: и не обнаженнаго обнажаетъ, а ваши всякаго священнослуженія соборнѣ обнажени (2)». Тоже находимъ и въ отвѣтѣ на вопросъ 227: «ваши лжепопы соборнѣ отъ святѣйшихъ патріарховъ прокляти, и священства извержени, и всякаго священнодѣйствїя обнажени» (3). Чтобы болѣе подкрѣпить свою мысль, г. Филипповъ указываетъ на слѣдующія слова Питирима: «*понеже противящихся въ таковыхъ*, (т. е. тѣхъ священниковъ, которые не хотѣли служить по новопечатнымъ книгамъ) соборнѣ восточни патріархи... и московскїи пат-

(1) Питиримъ понималъ 212 вопросъ въ болѣе общемъ смыслѣ и разумѣлъ подъ «іереемъ» не одного Феодосїя, а и другихъ раскольничьихъ поповъ, служившихъ на Вѣтлѣ, какъ это видно изъ отвѣта на 213 вопросъ.

(2) Пращ. л. 347 об. смес. л. 348.

(3) Тамъ же, л. 371.

ріархъ и вси російстіи архіереи проклятію предаша, и священства извергоша, и всякаго священнодѣйствія весма обнажиша», и изъ нихъ выводитъ то заключеніе, что, и по мнѣнію Питирима, одного изъ ревностнѣйшихъ борцевъ противъ раскола, труды коего по обращенію раскольниковъ удостоены названія «равноапостольныхъ», соборъ 1667 г. изрекъ свою клятву на содержаніе старыхъ обрядовъ и что, слѣдовательно, подъ проклятыми попами Питиримъ могъ разумѣть и православныхъ священниковъ, служившихъ по старому и за это самое подлежавшихъ отлученію. Вы уже слышали, въ чемъ и какъ противидись церкви современные собору 1667 г. священники (Аввакумъ, Лазарь, Никита и ихъ единомысленники), и потому если Питиримъ подъ именемъ поповъ, прельщенныхъ раскольниками и служившихъ по старому, разумѣлъ такихъ же противниковъ «восточной и великороссійской церкви», какими были и осужденные соборомъ поны, то, очевидно, онъ разумѣлъ въ своемъ отвѣтѣ не православныхъ священниковъ, *не отлучавшихся отъ общенія съ церковію*, а раскольниковъ, оставляющихъ церковь за ея мнимыя ереси и заблужденія. Авторитетъ Питирима, какъ ревностнѣйшаго борца противъ раскола, тутъ не при чемъ. По моему мнѣнію, г. Филипповъ поступилъ бы гораздо резоннѣе, если бы прежде, чѣмъ начать свои литературные походы въ пользу единовѣрцевъ, спросилъ ихъ самихъ, какъ они понимаютъ тѣ историческіе факты, на которыхъ онъ усиливается основать свою мысль о томъ, будто бы употребленіе единовѣрцами стараго обряда, разрѣшенное имъ Св. Синодомъ, запрещено было соборомъ 1667 г. съ клятвою. Тогда онъ узналъ бы и то,

что единовѣрцы—не тѣ, которые только прикрываютъ единовѣріемъ свое раскольническое отношеніе къ церкви, а искренніе единовѣрцы,—понимаютъ 212 отвѣтъ Питирима не такъ, какъ понимаетъ его защитникъ единовѣрія, а такъ, какъ понимаю его я (1), и что, слѣдовательно, взглядъ его на рассматриваемый нами вопросъ полезенъ не единовѣрью, а расколу.

Но г. Филипповъ не ограничивается тѣмъ, что прикрываетъ свою неправильную мысль о значеніи соборной клятвы авторитетомъ Питирима, труды котораго по обращенію раскольниковъ Петру I угодно было «удостоить» названія «равноапостольныхъ»,—онъ съ тою же цѣлію ссылается и на другіе авторитеты, хотя и меньшіе, именно: на старообрядцевъ, которые первые заявили въ концѣ прошлаго столѣтія желаніе войти въ общеніе съ церковію на началахъ единовѣрія, на представителей московскаго духовенства, совѣта которыхъ спрашивалъ митрополитъ Платонъ при учрежденіи единовѣрія, и на преосв. Игнатія, бывшаго епископа олонецкаго. Вотъ краткіе отвѣты на эти указанія г. Филиппова. Что раскольниковъ стародубскихъ, среди которыхъ возникла первая мысль о единовѣрїи (2), и московскихъ

(1) «Истина», кн. 20, 1871 г., ст. «Единовѣр. в раздоръ», л. 8.

(2) Независиме впрочемъ замѣтить, что инокъ Никодимъ и его единомышленники полагаютъ, что клятвы на двуперстіе и «на прочее древнее грекороссійскія церкви содержаніе» были изречены только на соборахъ 1656 и 1667 гг. и—въ чинѣ 1720 года. Что же касается Святейшаго Синода, то, по мнѣнію Никодима, онъ «какъ двуперстное сложеніе, такъ и прочіе старинные обряды церковные, благосклонно признавалъ не разрушающими ни слова Божія, ни догматовъ, ни правилъ церковныхъ» (Искан. старообр. въ XVIII вѣкѣ законнаго архіер. стр. 11 и 15). Значитъ, «истинный родоначальникъ единовѣрія» не во всемъ единомысленъ съ защитникомъ «нуждъ единовѣрія». А люди, близкіе къ Никодиму, прямо писали (и, конечно, не безъ его вѣдома), что обряды «не суть догматы, до вѣры не принадлежатъ и до опровер-

конца прошлаго столѣтія г. Филипповъ считаетъ своими единомышленниками по вопросу о клятвѣ собора 1667 г.,—въ этомъ можно видѣть, пожалуй, странность. Курьезъ (1), по ничуть не доказательство правильности взгляда моего достопочтеннаго противника; онъ, какъ Вы уже видѣли и какъ послѣ еще увидите, сходится въ своихъ воззрѣніяхъ съ раскольниками и на многіе другіе вопросы. Московскому духовенству въ концѣ прошлаго столѣтія приходилось не первый разъ расходиться съ властію во взглядахъ на разные предметы. Еще въ 1651 г., когда цѣлымъ соборомъ архипастырей русской церкви было опредѣлено прекратить

женія ея основанія не касаются, но суть вещи среднія для украшенія и благочинія церковнаго введенныя, свободѣ христіанской подлежащія, но спасенію вѣчному нашему и оправданію не дѣлающія ни малѣйшаго приращенія» (тамъ же, стр. 22, свес. стр. 62 и 69), т. е. буквально повторили то, что было высказано Синодомъ въ «увѣщательныхъ пунктахъ», посланныхъ архимандриту Антонію, въ которыхъ, однакоже, г. Филипповъ усиливается найти основаніе для своей мысли о томъ, будто бы не только Антоній, но и самъ Святѣйшій Синодъ требовалъ отъ присоединяющихся къ церкви раскольниковъ, чтобы они проклаивали самые обряды, прежде ими содержимые. Наконецъ, тогда какъ иновѣ Никодимъ просилъ у митрополита Платона дозволенія—совершать службу по старопечатнымъ книгамъ, какъ милости, какъ «нисхожденія въ немощѣйшимъ» (тамъ же, стр. 19), а ученики его прямо заявляли, что они «не предосуждаютъ новоположенныхъ чиновъ» (тамъ же, стр. 61), какъ имѣющихъ «равное» значеніе въ дѣлѣ вѣры и спасенія съ чиномъ древними (тамъ же, стр. 62), и если не принимаютъ для богослуженія «новыхъ книгъ и обрядовъ», то не потому, чтобы «они гнушались, но ради нѣкоторой немощѣйшей братія» (тамъ же, стр. 68), московскіе старообрядцы, подавшіе въ 1799 году просьбу митрополиту Платону, смотрѣли на обряды православія иначе, именно: «предосуждали» ихъ до того, что съ лицами, содержащими эти обряды, не хотѣли имѣть общенія въ молитвѣ (п. 5).

(2) Курьезъ—тѣмъ болѣе замѣчательный, что, по мнѣнію Никодима и московскихъ старообрядцевъ, клятва была изречена на двуперстіе и другіе подобные ему обряды, между тѣмъ какъ г. Филипповъ такой взглядъ на значеніе соборной клятвы считаетъ неправильнымъ.

существовавшие въ то время безпорядки при богослуженіи, оно кричало: «а намъ хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать» (1),—кричало, не смотря на то, что вопросъ о единогласіи былъ рѣшенъ сто лѣтъ назадъ—на, такъ называемомъ, Стоглавомъ соборѣ (2). Что же касается преосв. Игнатія олонецкаго, то г. Филиппову прежде, чѣмъ указывать на это лице, какъ согласное съ нимъ во взглядѣ на соборную клятву 1667 г., слѣдовало бы обратить вниманіе на слѣдующія слова архипастыря: «у всякаго (писателя) только то (находится въ томъ, или другомъ его сочиненіи), что кто считалъ къ цѣли своей нужнымъ» (3). Цѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, если въ сужденіяхъ указаннаго архипастыря о клятвѣ собора 1667 г., высказанныхъ имъ не въ спеціальному сочиненіи по этому вопросу, а въ общей исторіи раскола, встрѣчаются недомолвки и неточности въ выраженіяхъ, которыя можно толковать такъ и иначе, но только *неточности*, которыми притомъ г. Филипповъ пользуется слишкомъ произвольно. Такъ, напримѣръ, изъ «Исторіи о расколахъ» преосв. Игнатія онъ привелъ только тѣ слова архипастыря, въ которыхъ дословно повторяется соборная клятва 13 мая 1667 г., и опустилъ другія, въ которыхъ содержится сужденіе самого архипастыря о значеніи этой клятвы, именно, что «клятвы произнесены соборомъ *на прекословія*» (4), а не на содержаніе древнихъ обрядовъ. Впрочемъ, если въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса руководствоваться автори-

(1) Соловьевъ, XI., стр. 283.

(2) Стогл., глав. 16.

(3) Истор. о раск., стр. 226, изд. 1849 г.

(4) Тамъ же, стр. 214.

татами, то еще трудно сказать, на чьей сторонѣ правда. Стародубскимъ старообрядцамъ—съ Никодимомъ во главѣ и московскимъ, подавшимъ просьбу митрополиту Платону въ 1799 г., можно противопоставить о. Павла Пруссаго, іеромонаха Пафнутія, единовѣрческаго священника К. Голубева и другихъ искреннихъ единовѣрцевъ,—преосвященному Игнатію—Филарета, митрополита московскаго, имя котораго г. Филипповъ произноситъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, и другихъ преосвященныхъ, мнѣнія которыхъ по этому предмету г. Филипповъ встрѣчалъ въ тѣхъ самыхъ дѣлахъ Св. Синода, которыми пользовался.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

И. Пидьекій.